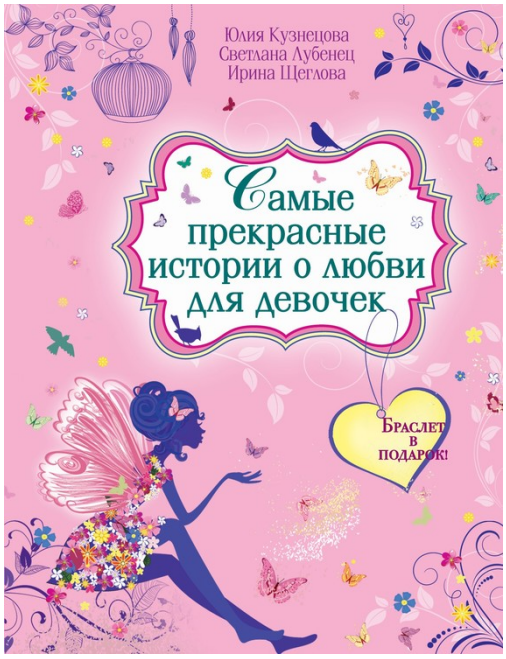
Юлия Кузнецова
Светлана Лубенец
Ирина Щеглова
Самые прекрасные истории о любви для девочек
Браслет в подарок!

Юлия Кузнецова
Светлана Анатольевна Лубенец
Ирина Владимировна Щеглова

Самые прекрасные истории о любви для девочек

Серия «Большая книга романов о любви для девочек»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7274287
Кузнецова Ю. Самые прекрасные истории о любви для девочек : повести : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69026-8

Аннотация

«На что похожа любовь?»

На что похожа любовь? На игру, на сочинение, на болезнь, на стихийное бедствие, на тайфун, на доверие… Каждая девчонка сама продолжит этот список. Изо дня в день Вера записывала в блокнот свои мысли о любви. Грустные, печальные, порой неожиданные. Но только после того, как девушка познакомилась с Даней, она узнала, на что действительно похожа любовь.

«День всех влюбленных»

Никакой любви на свете не существует! Девятиклассница Катя Прокофьева была уверена в этом на сто процентов. Но накануне дурацкого Дня влюбленных вся школа, кажется, помешалась – девчонки учили стихи из «Евгения Онегина», мальчишки собирались палить на сцене из дуэльных пистолетов. А еще все строчили друг другу «валентинки». Катя была выше этого и в общем безумии не участвовала. К тому же знала: ей любовное послание никто не напишет. Ведь даже Руслан, с которым она целовалась накануне, адресовал все свои записки другой девчонке…

«Песчинка на ладони»

Родители никогда не прислушиваются к мнению Лики. Дочери для них словно не существует. Вот и теперь ей предстоит отправиться в Турцию – в молодежный лагерь «Тропикана» – только потому, что этого хотят мама с папой. И конечно, они даже не спросили, желает ли этого она сама. Предстоящие каникулы обещают стать самыми ужасными за всю Ликину жизнь! Ни ласковое море, ни яркое солнце не могут унять ее душевную боль… И это никак не сможет исправить симпатичный парень!

Содержание

Юлия Кузнецова 5
Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 31
Глава 9 35
Глава 10 38
Глава 11 45
Глава 12 47
Глава 13 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Юлия Кузнецова, Светлана Лубенец, Ирина Щеглова Самые прекрасные истории о любви для девочек (сборник)

© Кузнецова Ю., 2014
© Лубенец С., 2014
© Щеглова И., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Юлия Кузнецова
На что похожа любовь?

Глава 1
Лужа-глаз

Мы опаздывали. Мы очень опаздывали, и я еле сдерживалась.

В кармане у меня был резиновый мячик, размером с яблоко, достаточно мягкий, чтобы сжать его в кулаке, а то и впиться ногтями, если что-то или кто-то доводит тебя до бешенства, а наорать ты не можешь. Можешь, конечно. Но не позволяешь себе.

А мы с мамой шли по улице, точнее, не шли, а я волокла её, придерживая за локоть, и следила за тем, чтобы она не поскользнулась, чтобы не столкнулась с дядькой, выгуливавшим грустного бассет-хаунда, чтобы не оступилась, споткнувшись о тротуар, ну в общем, обычная моя работка.

Работка, которую я не хочу выполнять, и не выполняла бы, если б не…

– Смотри! – вдруг остановилась мама и поправила на носу очки. – Какая лужа! Вытянутая! Похожая на глаз!

Ох уж мне эти писатели… Лужа как лужа! Затянутая коркой льда. Какой ещё глаз? Она что, моргает?! Или, может, щурится?

– Погоди, мне надо сфотографировать её на телефон!

– Мама!

– Но мне нужна как раз такая лужа для одной сказки… Погоди… где-то был фотоаппарат… то есть телефон…

– В наружном кармане сумки!

– Да, точно, спасибо, Верочка, ага, сейчас, найду камеру… Нет, ты посмотри, какой чудесный глаз! Он смотрит на нас… За нами…

«Может, бабуля что-то ей подсыпает в утренний кофе, что у неё просто глюки?» – с подозрением подумала я, а вслух сказала:

– Он смотрит не на нас, а на часы! И вообще, кому из нас нужно на эту встречу?

– Тебе! – отреагировала мама.

– Что-о?!

– Ну, хорошо, мне, но я не знаю, что им говорить…

– Мама…

Я сжала мячик изо всех сил.

– Мама, мы же обсудили дома. Ты скажешь, что пишешь истории. Для тех, кто только научился читать. Что они смешные. Интересные.

– Но это же книжный фестиваль, Вера. На нём выставляют книги. Не рукописи! А мои сказки никто не печатал!

– Тебе же приглашение прислали!

– На фейсбуке, дорогая. Там ещё двести тридцать приглашённых! Неужели ты думаешь, что это крошечное кафе способно вместить двести человек?

– Мама!

Хлоп! Мячик прорвался у меня в кармане. Она была права, моя маленькая близорукая мама, в красивом клетчатом пальто, но с бестолковой малиновой шалью на плечах, которую она наотрез отказалась снимать, рассеянная и слабая, с сухими маленькими руками, вечно

тонущими в рукавах любых свитеров. Она была права: нас там никто не ждал, и её лично туда никто не звал. Она была права, и от этого я разозлилась ещё больше.

– Дорогая мама, – сказала я, – по-моему, это не меня. Это тебя никто не печатает. И ты вечно ноешь, что мечтаешь о своей книге. Мечтаешь, чтобы кто-то придумал картинки к твоим сказкам. Чтобы они продавались в магазинах. Чтобы дети могли их прочесть. И как это должно случиться, дорогая мамуля? К нам придёт домой дядька-издатель и скажет, что прослышал о том, что у нас инкогнито остановилась Джоан Роулинг, а мне тебя за неё выдать? А что? Наденем тебе шляпу и очки, будешь сидеть, изредка вставляя: «Yes», «No» и «ждраштвуйте»? И тогда он тебя сразу напечатает в ста тысячах экземпляров?

Мама сняла очки, стала протирать их рукавом пальто и, конечно, уронила телефон. Сейчас октябрь, дождя уже не было пару дней, и асфальт сухой, но мамуля, конечно, нашла где-то островок грязи и уронила телефон именно в него. Впрочем, это, может, и плюс, грохнись он на асфальт – разлетелся б на сто кусков.

Мама наклонилась за телефоном. Распрямилась. Сунула телефон в карман, надела очки. И, внимательно глядя на пуговицы моего пальто, принялась кусать нижнюю губу.

– Или, может, хоть сходим, посмотрим на тех людей, которые издают детские книжки, – продолжила я, – попробуем познакомиться? Ну и что, что они собрались для того, чтобы обсудить программу своего книжного фестиваля, на котором они будут продвигать уже напечатанные ими книги? Мама, надо познакомиться с ними. Тебе надо как-то о себе заявить. Чтобы они узнали, что ты пишешь хорошие истории.

– Но я не уверена, что они хорошие…

– Я тоже, – отрезала я, – но всем же вроде понравилось, когда ты их в садике читала.

– Что значит – ты тоже? – ахнула мама.

– У тебя зубы в помаде, вытри, пожалуйста, – попросила я.

– Нет, погоди, тебе не нравится, что я пишу?!

«О боже, – подумала я, – мне срочно нужен запасной мячик!»

– Зубы, – напомнила я.

Мама полезла в карман, достала салфетку, попыталась развернуть, но не смогла, в центре застрял какой-то комок, который мешал раскрыть салфетку.

– Мама, я просто не целевая аудитория, – сказала я, догадавшись, что комок – это жвачка, и протянула маме чистую салфетку.

– Нет уж, – наседала мама, – говори!

Она выхватила салфетку, но ничего не стала вытирать, а выжидательно уставилась на меня.

– Если бы ты такая настойчивая вчера в ЖЭКе была, – не выдержала я, – когда я пыталась объяснить, почему у нас столько неоплаченных счетов за электричество! Или в магазине, когда я доказывала кассирше, что она нам пробила пять лишних шоколадок!

– Я не умею спорить с кассиршами, – смутилась мама и всё-таки вытерла помаду с зубов. А заодно – и с губ.

Между прочим, эту помаду я нанесла ей на губы час назад по всем правилам: от внешних углов – к центру, сначала на верхней губе, потом – на нижней.

– Зато я умею, да? – возмутилась я. – Ладно, если хочешь начистоту – мне не нравится то, что ты пишешь! А знаешь почему? Потому что ты только и делаешь, что развлекаешь детей! Хи-хи, ха-ха! Этому герою ведро упало на голову. Этому – лопатой по лбу! Этот в грязь залез, этот таз с бельём перевернул. Вот зачем ты это делаешь?

– Ну как, – растерялась она, – чтобы детям было интересно читать. Они ведь только научились. Нужна мотивация.

– А ты не думала, что ты им всё портишь? – сощурилась я. – Что они привыкнут, что все тексты вот такие – шаляй-валяй! Что везде всё должно быть интересно, смешно и весело!

А по-моему, в жизни всё далеко не так весело и смешно, как в твоих рассказиках. Зачем же обманывать детей, а?

Мама принялась хлопать себя по карманам.

– Она в сумке, – сказала я, имея в виду электронную сигарету.

От курения я её отучаю. Скоро и от кофе по утрам отучу, пересажу на горячую воду с лимоном. Мама достала электронную сигарету, потом покачала головой и выудила пачку антиникотиновой жвачки, похожую на упаковку с таблетками. Вытащила одну, сунула в рот и, яростно жуя, сказала:

– Ну раз так – нечего нам там ловить, на этой встрече!

– Ну не-ет, – прошипела я, – из-за тебя я отменила английский и математический кружки. И на йогу явно не успею.

И ещё я вспомнила бабушкино тихое: «Отведи её туда, это нужно всем нам». Да, было бы неплохо пристроить мамины сказки, денег от сдачи бабушкиной квартиры не так уж и много, лишние бы нам не помешали.

– Кружок у тебя по Интернету, – возразила мама.

– Онлайн, мамуля, онлайн! Как раз – сейчас! Поэтому ты пойдёшь!

– Зачем?

– Зачем, что этого хочу я, и…

– И ты всегда добиваешься, чего хочешь, – закончила мама.

– Но это же ради тебя! – не выдержав, заорала я. – Ты! Сама! Ноешь! Что! Тебя! Не печатают! Пошли! Спросим! Почему?!

Губы у мамы снова задрожали.

– Спасибо, что рассказала об этом всей улице, – прошептала она, опустив голову и сгорбившись, – и нечего на меня кричать!

– Ты сама меня довела, – буркнула я.

Я была страшно расстроена. Столько ночей потрачено на медитации, концентрации, на аутотренинги, и всё равно милая мамочка умудряется заставить меня кричать.

«Никто не должен знать о твоих истинных чувствах» – вот мой девиз. Я уверовала в него после **той** истории. А может, и раньше.

«Ну всё, всё, я допустила ошибку, взорвавшись, но теперь главное – успокоиться», – подумала я, глядя вслед маме. Совершенно забыв о том, что на ней элегантное пальто, а не зелёная короткая куртёха, в которой она любит гулять по речке в поисках вдохновения, мама сунула руки в карманы и, как бешеный белый кролик, помчалась в кафе, словно нарочно выбирая самые грязные отрезки дороги. Как будто чистый асфальт придумали не для неё, а чтобы произвести хорошее впечатление на инопланетян, которые вдруг могут решить заскочить на чай к землянам.

– Мам! Ну подожди! Ну, мам!

Её надо было догнать. И похвалить.

– Послушай, твои сказки…

Она остановилась, с остервенением жуя жвачку и раздувая ноздри, как дракон из её же сказки.

– Ну?

А я увидела её штанины. Они были заляпаны грязью. Где она взяла грязь?! Дождя уже нет два дня!

– Мам! Нельзя было надеть чистые брюки? Ты не заметила, что на этих – разводы, когда из шкафа доставала?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. В книге бы написали: «пригвоздила». Да так оно, собственно, и было: я даже лоб пощупала – не торчит ли из него гвоздь.

– Ты… ты… меня…

Я не дала ей произнести слово «достала», поспешив её успокоить:

– Я просто хочу, чтобы ты выглядела по-человечески!

Но у неё, к моему ужасу, брызнули слёзы из глаз, и она завопила:

– А чтобы я чувствовала себя по-человечески, ты не хочешь?

И как рванёт вперёд. Шлёп! – и прямо в лужу. Есть такие Никогда Не Высыхающие лужи, которые подло подкарауливают тебя, стоит тебе решить, что дождя давно не было и можно расслабиться. И наше пальто, только что из химчистки, всё – в бурых пятнах.

«Ну, по крайней мере, это не я ору на всю улицу», – подумала я мрачно.

На самом деле, мне было очень обидно. Так несправедливо, что она выставляет меня каким-то тираном! Это нечестно. Они с бабулей без меня просто пропали бы.

Я хожу за продуктами, отношу их вещи в химчистку, таскаю их по врачам, отмечаю, сколько денег мы потратили за месяц, и напоминаю им про дни рождения их же подружек.

А что я получаю в благодарность? Сплошное недовольство! «Ты мною понукаешь! Ты мною командуешь!» Бабушка, правда, не возражает. Она иногда шёпотом говорит маме, что я – «железная Вера». И тиранический тип. Но вслух – никогда. Прекрасно понимает, что у нас всё крутится именно потому, что я никогда не позволяю эмоциям брать над собой верх. Ещё она понимает, если у нас кончится туалетная бумага, а меня дома не будет, то маму за ней отправлять бесполезно – она потащится за ней в булочную.

Ладно, подумала я сердито, расправив плечи, выпрямив спину и стараясь идти идеальным шагом (он равен длине стопы), хорошо, что мамочка разозлилась. Просто прекрасно.

Слишком много командую? Могу и перестать!

Доведу её до кафе, где сидят эти тётки-издатели, и хватит с меня!

Может, ещё успею на маткружок. На вечернюю йогу – так точно. А если нет, по крайней мере лягу спать пораньше, чтобы успеть на утренние занятия. Йога у меня рано – в шесть утра.

Имела я глупость ввязаться в эту авантюру. Но разрулю я её – как надо. С чувством собственного достоинства и сдержанностью, которую я считаю добродетелью уже… сколько там? Год? Когда произошла та история?

Так, всё! Забыли.

И я крепко сжала в кармане остатки лопнувшего мячика.

Глава 2
След помады

Как я и думала: запала у мамочки хватило только на то, чтобы добраться до стеклянной двери кафе. Она вытащила руку из кармана, взялась за дверь и… обернулась на меня.

– Иду, – мрачно отозвалась я, но, заметив, на её лице радость, поспешила добавить: – Доведу тебя только до зала. Дальше сама разбирайся!

Мама переступила с ноги на ногу, и тогда я, взявшись за ручку двери, сама распахнула её и втолкнула маму внутрь.

Мы спустились по ступенькам в полутёмный холл. У входа горели три светильника в форме свечей, слева тянулся книжный шкаф, забитый книжками (типа, мы такие модные, гостям предлагаем книги, а не журналы), справа сидел гардеробщик в белой рубашке с закатанными рукавами и чёрной жилетке и, конечно, читал. И не абы что, а Джека Лондона. Мама, конечно, совсем оробела, и пришлось мне стащить с неё пальто, достать щётку для волос и самой её немного причесать. Потом я сняла и своё пальто, а наш чтец всё не мог оторваться от Лондона. Не кафе, а Ленинская библиотека. Может, тут вместо номерков – читательские билеты?

– Извините, – сердито сказала я.

– А? О, – только и сказал гардеробщик (типа, какая неожиданность – чьи-то вещи! В «библиотеке»!).

Он забрал нашу одежду и потащил к вешалкам.

А потом снова уселся с книгой. Кот учёный. А мама вдруг села на стул возле зеркала и стала похожа на Алёнушку на камне. Не столько позой, сколько цветом лица. Серо-зелёным.

Я вздохнула, достала свою косметичку. Развернула её к зеркалу и принялась красить. Снова провела по губам помадой, не забыв, конечно, про контур. А она даже не посмотрела на своё отражение.

Она никогда не смотрит на себя в зеркало. Как будто ей противен собственный внешний вид. Я этого не понимаю. Ну, противно тебе на себя смотреть. Ну измени что-то! Сходи в спортзал, к косметологу, да просто в Интернете по форумам полазай, там столько советов по красоте – просто библиотека. Хочешь – прикладывай к векам лёд – хоть с ромашкой, хоть с петрушкой. Хочешь – маски из свёклы на ночь делай (только утром не забывай смывать, видок тот ещё, словно с тебя содрали кожу).

Мы с мамой часто ругаемся из-за того, что ей на себя плевать.

Как-то я её заставила посмотреть на себя перед выходом. Ещё ей красиво шарф повязала. Узлом «аскот». На одном сайте прочитала, что он придаёт образу женственность. Я долго крутила его, натягивала, связывала кончики, прятала их под воротник её блузки, а она посмотрела на себя, вздохнула… и махнула рукой.

Только моё главное правило («Не показывай эмоции!») не дало мне на неё заорать. Но она всё поняла по взгляду. Сразу опустила голову, испугалась. Как черепашка – нырк под панцирь. Вот и сейчас. Сидит грустная, смотрит на свои брюки в пятнах. Давит мне на психику. И кто из нас ещё тиран?!

– Ну хорошо, – сказала я, – пять минут. Я посижу с тобой там ровно пять минут.

– Правда?!

Мама вскочила, обняла меня и… поцеловала меня в щёку.

– Ты что? – прошипела я, и гардеробщик от испуга выронил своего Лондона. Прямо в грязь, которая осталась от маминых подошв.

– А что? – растерялась мама.

Я в отчаянии смотрела в зеркало. На моей щеке, идеально затонированной и припудренной, отпечатался след алых губ!

– Мама! Ну хоть иногда можно включать голову! Ты хоть чуть-чуть думаешь! Ты! Ты!

«Не показывай эмоции!»

Я тряхнула головой. Ладно, у меня всё равно не хватит слов, чтобы показать **все** эмоции.

Просто выхватила из косметички салфетку, принялась тереть щёку. Как назло, я не захватила ни одного средства для снятия макияжа! Но мне и в голову не могло прийти, что оно мне может понадобиться! Я ж не с ночёвкой пришла в это дурацкое кафе. Кто ж знал, что у моей мамы вместо головы – тыква! Ну то есть я всегда это знала… Но не до такой же степени!

Мама с перепугу спряталась за стойкой гардероба и выглядывала оттуда, как рядовой Райан из окопа.

– Кремом попробуйте, – посоветовал гардеробщик, подняв книгу и тщательно протерев салфеткой обложку. Читать дальше он не стал, просто положил книгу на стойку.

Конечно, тут у нас кипят такие страсти, по сравнению с занудой Лондоном Шекспир отдыхает!

– У меня нет крема!

– А держите мой, – сказал гардеробщик и, покопавшись в карманах, выудил длинный белый тюбик.

Я брезгливо поморщилась, но крем взяла. Нельзя же было идти к людям со следом помады на щеке! Мама схватила книгу и прикрылась ею, словно я собиралась метнуть кремом в неё.

– Не смешно, – отрезала я, поднесла тюбик к глазам и возмутилась: – Он же для рук!

– А какая разница? – пожал плечами гардеробщик. – Вам же стереть надо краску со щёк? Так любым жиром можно… Хоть свиным.

– Спасибо за совет, – мрачно сказала я, выдавливая крем на салфетку и яростно протирая им щёки.

– Проверено на практике, – заверил меня гардеробщик, – краску можно любым маслом оттереть. Подсолнечным, например. Но лучше всего жиром. Животным. Вот у свиней…

– Да что вы заладили, жир, жир, – разозлилась я, – откуда вы это взяли? И вообще, я, между прочим, веге…

– «Выбирай, – торжественно сказала мама, открыв книгу, – познаешь печаль и волнение, когда будешь лежать на убойном поле, а солнце припечёт твои больные суставы и вытопит жир из твоего тощего тела, как вытапливают сало из жареного поросёнка».

– … тарианка, – закончила я, – и ты, мама, это знаешь!

– Я просто ответила на твой вопрос, – обиженно сказала она, – ты спросила, почему, откуда он это взял, я тебе и прочла. Это, кстати, классика, «Джерри-островитянин»!

– Я и без него это знал, – сказал гардеробщик, забирая у мамы книгу, а у меня – крем. – Вот ведь как? Помогаешь людям, а они тебя ещё и поучат жизни.

– Погодите, – пробормотала я, присматриваясь к своему отражению, – стоп, стоп… дайте-ка мне этот крем ещё раз!

Я перевернула тюбик, поднесла его к лампочкам-свечкам и к своему ужасу прочитала, что…

– Он с облепиховым маслом!

– Не знаю, – проворчал гардеробщик, – я состав кремов не читаю.

– Ну конечно, вы же Джека Лондона читаете, – проговорила я сквозь зубы, – про свиной жир… а вот облепиховый…

– Детка, но почему? – начала мама.

– Да потому. Что. У меня. Теперь. Жёлтые. Щёки. И не заметит этого только слепой!

Я не орала. Я чеканила слова, как монеты.

– Я не вижу, – отреклась мама.

– Я тоже, – подтвердил гардеробщик, который слишком близко, на мой взгляд, придвинулся к маме.

Я молча посмотрела на них, чтобы они поняли смысл моей последней фразы. Потом снова глянула на себя.

Ужас. Кошмарный кошмар.

– Мама, знаешь, – начала я уже, наверное, в сотый раз, – я, пожалуй, внутрь не пойду. Я…

– Хорошо, – вдруг согласилась мама.

Она сняла очки и начала протирать их краем свитера. С чего они у неё вдруг запотели?

– Пойду сама, – продолжила мама.

– Я вас провожу, – пообещал гардеробщик.

Что-то не понравился мне блеск в его глазах, как только мама назвала «Джерри-островитянина» классикой. Может быть, конечно, он записан в клуб Почитателей Лондона, но почему тогда он так уставился на маму, стоило ей снять очки? Не потому ведь, что она была похожа на Джерри-островитянина?

– Ну нет, – решительно сказала я, – этого вы двое точно не дождё… в смысле, всё нормально. Я всё же иду.

Да, только отпусти эту маму, и она приволочёт домой этого милого гардеробщика, и он будет у нас читать своего Лондона, съест все котлеты, выпьет весь чай, а когда чай и котлеты закончатся и он сбежит, мне, именно мне, придётся вставать к ней по ночам и шарить по её прикроватной тумбочке в поисках валидола и берушей для себя.

Уж лучше позор с жёлтыми щеками. Пусть думают, что меня мама до желтухи довела.

Я глянула в последний раз на себя в зеркало, махнула рукой и поплелась за мамой.

Да, их там был полный зал. Тётеньки, которые занимаются детской литературой. Издатели, редакторы, кураторы детских программ фестивалей. В модных свитерах, чаще коротко стриженные, в очках в модной оправе, с необычным цветом волос, приветливые, но с вежливым вопросом в глазах: «А вы, собственно, кто?»

Пахло кофе и немного натягивало сигаретами из зала для курящих.

В торце стола, который занимали эти тётеньки, сидел парень.

Вот какой он был. У него были большие круглые уши, да ещё и торчком! Черты лица мелкие и острые, а глаза – просто совсем маленькие, немного удивлённые. Такое детское удивление, чуть глуповатое, но весёлое: «Как? Это кофе? И что, его пьют?» Но ещё было в нём что-то…

Даже не знаю, такие вещи понимаешь чем-то внутри, просвечиваешь каким-то внутренним рентгеном. Достаточно одной детали – увидеть запястье, широкое, загорелое, оплетённое фенечкой… Или замшевые серые кеды… Или поймать, как он прищуривается. О нет, не то что он герой твоего романа! Нет! Ни в коем случае! Никаких героев!

С героями я завязала. Точка. Мои отношения с последним «героем» закончились таким ожогом, что я до сих пор не уверена: пришла ли я в себя?

Нет, я просто поняла, что этот парень – классный.

Словцо дурацкое, согласна. Ничего конкретного не выражает. Нельзя нацепить на себя дизайнерскую одежду и быть благодаря этому классным. Не получится, обладая великолепным чувством юмора, прослыть классным. Цвет глаз, черты лица, выбор определённой одежды, то, какие ты смотришь фильмы, то, в какие игры ты играешь, то, в каких соцсетях ты пропадаешь ночами – всё имеет значение, но этого недостаточно, чтобы быть классным.

Потому что «классный» – это аура. Это твоя энергетика. И ты можешь просто сидеть и улыбаться. И тебя сочтут «классным».

Ненавижу классных.

Парень сидел, уставившись в ноутбук. Потом поднял голову и улыбнулся.

Увидел мои щёки! Тьфу ты!

Я схватилась за щёки руками, прикрывая их. Но он уже опустил голову, снова уставившись на экран. Рот прикрыл рукой – прятал улыбку.

Ну, конечно, он вежливый. Не станет вслух смеяться над бедной желтушной девушкой.

«А не такие уж и плохие эти тётеньки из детлита», – подумала я. Особенно одна, пухлая блондинка, которая с удовольствием обкусывала корочки на кусках пиццы.

Сначала корочки, потом – начинка. Потом пальцы. Ну она их не откусывала, облизывала, конечно.

Хорошая тётенька. Достаточно пухлая, чтобы за ней спрятаться.

Я широко улыбнулась ей, она – немного растерянно в ответ, и я сочла её улыбку достаточной для того, чтобы я села рядом и дёрнула маму за руку, прошипев: «Садись!»

А всё-таки хорошо, что я не взяла с собой запасной резиновый мячик! Я бы и его сейчас лопнула, вонзив в него ногти, потому что просто задыхалась от злости на парня, модных тёток, маму, а главное – гардеробщика с облепиховым кремом!

Глава 3
Неожиданное предложение

Мы сидели в кафе уже второй час. Мама себя чувствовала превосходно: она встретила парочку знакомых, с которыми можно болтать просто так, без конкретной цели (а цель у нас была одна! Хоть как-то заявить о дурацких сказках! Чтобы их заметили, напечатали и дали денег!) и наслаждалась беседой. Даже кофе заказала. Два, конечно. Забыв совершенно о том, что я ненавижу кофе. Он задерживает воду в организме, а я не для того сижу раз в три месяца на детокс-диетах.

Я же, закрыв щёки руками, напряжённо вслушивалась в беседу. Тётки громко обсуждали программу детского фестиваля, спорили, радовались. Мы обе были чужими тут, и я, и мама. Это раздражало. Наконец, я услышала:

– Вот тут бы интерктивчик сделать! По каким-то сказкам!

Я быстро глянула на маму. Ну? Скажи про своих мышей! Давай! Не молчи! Чего пришли вообще?! Ты ведь не боишься уже! Знакомых встретила, они поддержат!

– По каким сказкам? – спросила моя соседка-толстушка, которая обгрызла наконец на своей пицце все корочки и теперь принялась слизывать начинку. Смотреть на неё было неприятно, хотелось предложить салфетку.

– Хотелось бы по современным, – подал голос кто-то, – не Андерсена же по сотому разу представлять!

«Мама! Подай голос!» – сквозь зубы пробормотала я, уставившись на кусок пиццы, с которого толстушка слизнула помидор.

На самом краешке висел шампиньон и грозил упасть на колени к толстушке и измазать соусом её светлую юбку.

– А что? – возмутилась толстушка. – Андерсен – гениален! И не надо нам этих современных писак!

Мне захотелось, чтобы шампиньон всё-таки упал ей на юбку!

Потому что её слова услыхала моя мамочка. Она оторвалась от своей Невероятно Важной Беседы, пару секунд смотрела на толстушку и… опустила взгляд. Протянула руку, взяла салфетку, стала складывать из неё лягушку (это, поверьте, она умеет! Это вам не с кассиром спорить и не в ЖЭКе отстаивать свою правоту!)

В общем, мамочка изобразила полнейшее поражение. Ах, ах! Ведь сказали же: «Не надо современных писак». Ну она и не полезет. Не надо, так не надо. Лучше продолжить Увлекательнейшую Беседу с…

– А почему вам не нравятся современные писатели?! – услышала я чей-то голос.

Ещё четверть секунды. И я поняла, что голос-то мой. Мой!

– Не то чтобы не нравятся, – мило улыбнулась толстушка, отправив в рот кусочек жёлтого перца (шампиньон цеплялся за край пиццы, как утопающий за борт лодки), – просто их нет. Никто сегодня не пишет сказки.

– Ну почему же не пишет, – не унималась я, – вы не читали сказки Натальи Розановой? Про мышек?

– Розановой? – переспросила толстушка.

– Я читала! – вдруг подала голос девушка с двумя косами напротив меня.

Мне она сразу показалась милягой.

– Ничего особенного, – добавила девушка с косами, – не зацепило. Они, к тому же, не напечатаны нигде.

«И что я в ней милого нашла?» – подумала я, а вслух сказала:

– Знаете, есть вещи, которые взрослых не цепляют, а детям нравятся, кстати, я сама видела, как дети слушали! Автор читал эти сказки вслух в детском саду.

– Но тут ведь автора нет, – сказала другая тётенька, темноволосая, в очках, – так что и спорить о сказках нечего.

Она сидела справа, в торце стола, и, видимо, всем тут заправляла.

– Если бы автор был тут, если бы он предложил эти сказки на интерактив…

– Знаете, – сказала я, – вы не поверите…

– Верочка, ну не надо, – испуганно сказала мама.

– Вы автор? – спросила тётенька деловито. – Интерактив проведёте?

– А как это – интерактив? – растерялась мама.

– Ну, что-то типа игры с детьми.

– Играть я не умею, – извиняющимся голосом сказала мама.

– Ты можешь их вслух почитать, – подсказала я, – как в саду!

Господи! Неужели она не понимает, что главное – засветить её сказки на этом фестивале! Чтобы издатели обратили на неё и на них внимание! И напечатали!

– Вслух – могу, – согласилась мама с таким видом, словно ей предлагали станцевать на этом фестивале голышом, распевая при этом скабрезные частушки, – я, правда, тихо читаю… И ещё могу заикаться от волнения.

– Нет, – строго сказала главная тётенька в очках, – читать вслух там ничего не нужно. Там шумно. И интерактив будет в проходном зале. Стол, стулья вокруг. Надо будет занимать чем-то детей. А чтением вслух никого не займёшь…

– Но… – начала я.

– Но, – подхватил кто-то другой.

На этот раз я была уверена: голос не мой. Я выглянула из-за толстушки и обнаружила, что голос подал парень! Тот самый, который смеялся над моими жёлтыми щеками.

– Но вы сможете их рассказать? – спросил парень, обращаясь… нет, не только к моей маме, но и ко мне.

Мама молчала, как будто парень обратился **только ко мне**.

– Можем, наверное, – неопределённо сказала я.

– Помните, у нас спектакль кто-то показывал на прошлом фестивале? – спросил парень, обращаясь к темноволосой тётеньке. – Кузнецова, кажется… «Сказки про вредин». Их ещё в журнале напечатали, «Семья и школа», помните?

Я ткнула маму в бок. Она ткнула меня. Класс. У неё последний шанс! Но и им она не желает воспользоваться. Предпочитает тонуть в гордом одиночестве. Не мама, а Ди Каприо из «Титаника».

– Да, – сказала девушка с косами, – это было неплохо. На выступлении Кузнецовой никто, конечно, в обморок от восторга не падал, но вроде дети слушали.

– Да в обморок никто никогда не падает, слава богу, – пробурчала тётенька в очках, – ещё не хватало «Скорую помощь» заставлять там дежурить, у меня и без того хлопот полон рот. Вы сможете театрализовать свои сказки?

Это вопрос к маме.

– Нет, – отвечает моя мамуля громко и чётко, – у меня голос не тот. И от волнения он пропадает. И вообще говорить на публику я не смогу.

– А вы сможете? – спросил парень, глядя на меня в упор.

– Я? – растерялась я.

– Ага!

И что же мне было отвечать? Я ведь говорила! Предупреждала! У меня такой характер: всегда отвечаю на вызов. Поэтому я не ответила ничего другого, кроме:

– Да. Я смогу.

– Прекрасно, – сказала тётенька в очках и склонилась над блокнотом в чёрном кожаном переплёте, – записываю вас в программу. Дань, тоже внеси сразу.

Парень кивнул и снова уткнулся в ноут.

– Гениально! – сказала толстушка-соседка. – А Андерсен и правда запарил. Отличный автор, философия, глубина. Но – запарил.

Она махнула рукой, и шампиньон наконец-то упал с куска пиццы. Плюмс – на юбку, шмяк – на пол. На юбке осталось жирное пятно.

Я не ощутила никакого злорадства. Я сидела, оглушенная новостью.

Я, человек закрытый, интраверт, человек, которого не интересует толпа, а увлекает только саморазвитие, далёкий от тщеславия, человек, у которого расписана каждая секунда свободного времени, буду показывать спектакль?! Кукольный? Детям?! В каком-то проходном зале! Они будут проходить мимо, есть мороженое (или что они там едят на книжных фестивалях? Сэндвичи в виде книжек? Шоколадных Гарри Поттеров?) и не слушать меня, а я буду пыжиться и писклявым голосом говорить за маминых мышей, которые только и делают, что дают друг другу по головам и обзываются?

Мне надо будет пищать?! Но я уже год как учу говорить себя только ровным голосом!

Я пыталась уложить все эти факты в голове и даже не заметила, как закончилась встреча. Все встали, начали прощаться, а я всё сидела. Внутри меня бушевал тайфун.

Я не шут гороховый! А мышей маминых я вообще презираю! Как вообще получилось, что я согласилась? Кто виноват? Этот ушастый «классный» парень? Да с какого я перепугу решила, что он классный? Какая молния ударила мне в голову?

А вон и он, лёгок на помине. Поднялся, потянулся. Глянул в чашку, допил остатки кофе. Поставил чашку с лёгким стуком на стол, задвинул стул, сунул ноут под мышку и прямиком ко мне. Инстинктивно я прижала руки к щекам, чтобы загородить их от него. Но потом всё же отпустила. Хочет смеяться надо мной – пожалуйста! Вот они, мои щёки, жёлтенькие, как лимончики. Хохочи, приятель! Он действительно улыбнулся и спросил:

– Ну как вы, довольны?

У него был такой издевательский тон, что я протянула руку к столу, чтобы взять вилку моей соседки-толстушки и… Эх, жаль, унесла вилку официантка, которая пришла собирать посуду.

– Очень довольна, – мрачно сказала я, вложив в свой ответ все эмоции по поводу его «помощи».

Да, я могла отказаться. Сказать, что ни я, ни мама не готовы изображать из себя шутов или мышей, чтобы повеселить деток на фестивале. Но тогда бы выходило, что мы зря притащились на эту встречу, а хоть какой-то результат – лучше, чем ноль. И ещё… я – не мама. С поражениями не мирюсь.

– Слушайте, – замялся он, – а вы… телефон свой не оставите?

Ах вот оно что! Наш герой сделал доброе дело и алчет награды! Что ж, сейчас он её получит.

– Зачем вам мой телефон? – спросила я, хлопая глазами и изображая полную дурёху. – Разве вы организатор?

– Нет, но я подумал, может, приглашу тебя на чашку кофе, чтобы обсудить…

– Извините, – отчеканила я, – во-первых, мы не переходили на «ты». Во-вторых, моё расписание настолько плотное, что я вряд ли втисну туда ваше любезное предложение. Всего хорошего!

Вежливо улыбнулась, схватила маму за рукав и потащила к выходу.

Глава 4
Запах кофе

– Как всё прошло? – спросила бабушка, встречая нас в прихожей.

Я кивнула, мол, всё нормально. Пока мы шли домой, я усмирила тайфун внутри и немного успокоилась.

Проблема с выступлением висела надо мной, но, к счастью, её надо было решать не сейчас.

Я открыла сумку, чтобы убрать в неё ключи. Из сумки запахло кофе. Похоже, мы притащили запах с собой. Я поморщилась. Я не люблю кофе, а ещё не люблю посторонние запахи. Так что посторонний запах кофе для меня – двойная неприятность.

Мама с бабушкой смеются, что, будь моя воля, я бы поселилась в стерилизаторе, пила дистиллированную воду и спала бы в резиновых перчатках, но я правда люблю, чтобы от одежды пахло только стиральным порошком. Это ведь означает, что она чистая.

– Что-то вы не радостные, – заметила бабушка, переведя взгляд на маму.

Я с удивлением обернулась. Маме-то чего быть не радостной? За неё всё сделают чужими (моими!) руками, правда, непонятно, как.

– Ты с ним была очень резка, – заявила мама.

– С кем? – опешила я. – С этим парнем?

– Да. Ты могла бы ответить ему более вежливо. Всё-таки он нам помог.

– Его никто не просил – это раз. А во-вторых, мне надо было в благодарность выйти за него замуж?

– Ты всё утрируешь! – вскричала мама, которая никогда не утруждалась аутотренингами для сдерживания эмоций. – Зачем – замуж? Неужели нет более вежливой формы отказа? Можно было дать ему от ворот поворот, но другими словами!

– Это твоя работа – думать над другими словами и формами, ты у нас – сочинитель, – огрызнулась я, снимая пальто и принюхиваясь.

От пальто тоже пахло кофе. Странно, оно ведь висело в гардеробе. Может, вредина-гардеробщик отомстил мне за то, что я не пустила с ним маму, и обрызгал моё пальто кофейным освежителем воздуха?

– Нас зовут замуж? – переспросила бабушка.

– Вас обеих – точно не позовут, таких вредных и упрямых! – выпалила мама и скрылась в кухне.

– А ведь я собираюсь ей помогать с выступлением, – пробормотала я тихо.

– С каким выступлением? Пойдём ко мне – расскажешь?

– Сейчас, – пообещала я и выскочила на балкон, чтобы на плечиках развесить и проветрить своё пальто.

Заодно вытащила из кармана остатки резинового мячика. Надо будет выкинуть. Но мусорное ведро на кухне, а там мама. А её я сейчас хочу видеть гораздо меньше бабушки, которая обладает способностью успокаивать меня не хуже резинового мячика.

– Ого, – протянула бабуля, когда узнала, что я должна буду на фестивале показать какой-то «парад-карнавал» маминых мышей, – и как ты собираешься справляться?

– Не знаю, – буркнула я, – пока ни одной идеи.

Но я ощущала, как моё недовольство испаряется…

Так всегда бывало, когда я попадала в бабушкину комнату, устраивалась в кресле, покрытом лоскутным одеялом. Памятное одеяло, между прочим. Бабушка попросила всех своих друзей дать ей по лоскуту определённого размера и сшила из них такое вот покрывало, каждый фрагмент которого напоминает ей о друзьях, хотя многих из них уже нет в живых.

«Многих», – повторила я про себя и дёрнула плечами, чтобы отогнать грустное воспоминание, не позволить ему проникнуть в мою душу.

Комод у бабушки был заставлен коробочками и шкатулками разного размера. В них хранились стеклянные шарики, бижутерия, просроченные лотерейные билеты, старые открытки с видами городов и заколки, которые бабушка носила в молодости. В детстве я обожала открывать эти шкатулки и разглядывать «сокровища».

Сейчас я протянула руку к одной из них. В ней бабушка хранила наши с ней любимые конфеты, которые делала сама. У неё есть проблемы с уровнем сахара в крови, и сладкое ей не особо разрешается, но вот эти конфеты можно. Бабушка режет мелко апельсиновую цедру и заливает её растопленным горьким шоколадом. Получаются неровные, но вкусные конфеты. Я люблю сладкое, но всё «полезное» сладкое, то, что диабетики едят – противное. А тут – и вкус отличный, а главное – фигура не портится, все знают, что горький шоколад можно даже на диете есть.

Единственное, что мне не нравилось у бабушки в комнате, так это коллекция париков. Пять париков с волосами разной длины и цвета хранились за шкафом в специальном чемоданчике, каждый обмотанный бязью, чтобы не электризовался, и уложенный в свой пакетик. С того места, где я сидела, чемоданчик не было видно, но я знала, что он там, и это меня расстраивало.

Они напоминали мне о **той** истории.

– Ну, мышей я тебе свяжу, – сказала бабушка, – или сделаю из папье-маше, а вот всё остальное… Мимика, речь, интонации героев… Да и выступать ты у нас вроде не мастер.

Я надкусила конфетку и закивала. Бабушка понимала меня.

– Но я тобой горжусь, – продолжила она, – и очень благодарна за то, что ты помогаешь маме. А что у нас там с замужем?

Я пересказала бабушке диалог с парнем, и, странное дело, сейчас, заново переосмысливая всю ситуацию, я поняла, что действительно зря нагрубила ему.

– Мне кажется, – начала бабушка, – мама в общем-то…

– Права, – вздохнув, закончила я, – но у меня есть оправдание! Мой мячик для снятия стресса лопнул!

Я протянула бабушке несколько оранжевых резиновых кусочков.

– Но зря мама беспокоится, что из-за моей грубости отменят выступление. Никто меня не слышал, – сказала я.

– Так не годится, – покачала головой бабушка, – а если в порыве злости ты кого-нибудь укокошишь? Тоже свалишь на мячик? Порвался он, понимаете ли. «Но зря вы беспокоитесь, что у вас грязновато, пятно кровавое на коврике, труп под кроватью, совершенно зря! Я сейчас всё быстренько приберу». Так?

Я хихикнула.

– В общем, надо найти его и извиниться, – вынесла решение бабушка.

– Где я буду его искать? – удивилась я.

– В Интернете.

– Я не знаю, как его фамилия, только одно имя. И я не зарегистрирована нигде, кроме «Контакта».

– Вот и посмотри в своём «Контакте»!

– Бабушка, я там только по делу! У нас группа из маткружка задачи выкладывает. Не буду я там никого искать. К тому же, как я это буду делать без фамилии? Знаешь, сколько в мире людей с именем Даня? А самое главное, бабуль, я не хочу его искать. Я согласна, я ему нагрубила. Но это справедливо. Потому что вот смотри. Я согласилась изображать театр по маминым сказкам, так? И получила от той же мамы по башке! Вот и он. Помог нам. Получи по башке! Инициатива наказуема. Такой закон, такая аксиома. Жизнь – не шуточки.

– Ты не права, Верочка, – вздохнула бабушка, – но спорить с тобой не стану. Пусть тебе жизнь объясняет, лучше учителя не придумаешь. Я просто буду надеяться, что он придёт на твоё выступление на этом фестивале.

– Бабушка! – фыркнула я. – Поверь мне, к фестивалю он абсолютно всё забудет. И меня, и мою грубость. Он из таких, знаешь… красавчиков. Внешне не очень симпатичный, но обаятельный! Из тех, кому всё легко достаётся. Так что не повредит ему тоже иногда получить по башке. Может, это твоя жизнь его так учит. Просто моими словами.

Я лукаво улыбнулась, но бабушка только покачала головой.

– Надо придумать всё так, чтобы ты выступила достойно, – сказала бабушка, сменив тему, – лучше всё-таки папье-маше, оно солидно выглядит. Попробую вспомнить, как мы его варили, я иногда помогала Любе. До того, как она вышла на пенсию. Помнишь, она же работала художником по костюмам в Театре Натальи Сац и…

Бабушка оборвала себя на полуслове. Посмотрела на меня внимательно.

А я посмотрела за шкаф и словно увидела парики. Два блондинистых, два тёмных и один рыжий, с проседью. Даже ощутила запах антистатика, которым бабушка пшикает их, пока меня нет дома.

– Помню, – с трудом сказала я.

– Вера…

– Что?!

Я опять рассердилась. На себя на этот раз. Почему эмоции берут надо мной верх? Или сегодня день такой?

– Вера, я думала, что всё в порядке.

– Всё в порядке!

– Ты всё ещё винишь себя? Переживаешь? Отвечай.

Тон бабушки был твёрдым, выражение лица – требовательным настолько, что я не смогла противостоять. Я словно увидела в ней саму себя, а как противостоять самой себе?

Я отвернулась к окну. Мрачное небо, ветер качает деревья. Наверное, сейчас ливанёт. Самое время мамуле надеть что-то парадное и отправиться на речку в поисках вдохновения, чтобы с триумфом завершить мой паршивый денёк.

– Я не переживаю.

– Но…

– Просто я не должна была приводить туда Олега. Не надо с этим спорить.

– Вера! Верочка моя! Мы ведь говорили тысячу… три тысячи… сто тысяч раз! Тут нет твоей вины! И его вины тоже нет! Это просто совпадение! Обычное, обычнее не бывает! Стала бы я одобрять твои поездки, если бы хоть краешком сердца ощущала хоть грамм твоей вины! А?!

– Нет, конечно, бабушка, ты права, – пробормотала я, – я тоже так считаю, просто иногда накатывает. Пойду-ка я смою желтизну с щёк. Насчёт фестиваля – ещё обсудим.

– Возьми ещё шоколадку!

Я изобразила самую искреннюю улыбку, на которую была способна.

– Спасибо, бабуль, больше не хочется. Сама знаешь, горького шоколада много не съешь. Это его плюс.

На самом деле мне и правда больше не хотелось шоколада…

В ванной я долго тёрла щёки мылом. Обычным хозяйственным. Тёрла так, словно собиралась протереть в них дыры до зубов. Потом насухо вытерла полотенцем. Тёрла его грубой, как говорит бабушка, «вафельной», стороной. Мне было больно, но очень хотелось, чтобы эта боль заглушила ту, что внутри. Я соврала бабушке. Боль накатывала не иногда. А практически постоянно.

Вдруг я снова ощутила запах кофе. Опять? Да сколько можно?! У нас тут, что ли, фабрика по производству арабики?!

А, это от одежды. Снять, срочно снять! Надеть чистое, пахнущее порошком домашнее платье. Выкинуть из головы и кафе, и «классного парня», и грустные воспоминания. Навести, в конце концов, порядок в своей голове. А то с момента, как мы с мамой вышли из дома, никакого порядка там не наблюдалось!

Я отправилась в комнату, стащила джемпер, пахнущий кофе, кинула на стул. Надела платье и села к компу.

Лучше всего порядок в моей голове помогают навести математические задачи. Члены группы «Вконтакте» наверняка выложили сегодняшние, которые решали онлайн всем кружком, вместе с ответами. Ответы я, конечно, смотреть не буду, сначала всё решу. А некоторые дураки сначала смотрят ответы, а потом подгоняют под них решение задач. Но это сразу видно, просто даже по ходу решений, которые они выкладывают. Не понимаю только, в чём смысл тогда математический кружок посещать. Для престижа, что ли?

– Дав-вай! – поторопила я «Контакт», который не желал признавать мой пароль с первого раза.

Впрочем, я его понимаю, у меня такой сложный пароль, что он не всем по зубам. Но это не повод не пускать меня «Вконтакт», а самое главное – в математическую группу! Да ещё и в тот самый момент, когда моя голова так нуждается в порядке!

«У вас одна заявка в друзья».

Я хмыкнула. Ребята из кружка быстро просекали, что я в нём – одна из самых умных, и спешили зафрендить меня. Только зачем? Я всё равно никому не помогаю. Меня интересует саморазвитие, а не развитие других.

Я нажала на «заявку». Чем быстрее от них отделаешься, тем быстрее можно будет приняться за задачи. Я нетерпеливо забарабанила пальцами по столу. Бросила взгляд на джемпер. Ветер, дувший из форточки, донёс до меня запах кофе. Надо было сразу кинуть его в стирку, эх.

«Заявка» открылась, и я подпрыгнула на стуле.

С фотографии на юзепике на меня смотрел Даниил Белых собственной персоной.

Смотрел-смотрел и словно увидел. Потому что на моём экране возникло новое сообщение. От него.

«*Здраствуйте*?»

Глава 5
Потанцуешь со мной в мире моих фантазий?

Конечно, он меня не видел. Просто рядом с моим юзерпиком горела светло-серая надпись «online». И я решила, что ничего не потеряю, если отвечу:

– Здравствуйте.

– Рад Вас видеть, – написал он и добавил, – «*видеть*».

Я послала смайлик и спросила:

– Как Вы меня нашли?

Сама тем временем открыла его профайл. Пусто! Никакой информации. Хм… Тем временем от него уже пришёл ответ. Так быстро отвечает, словно ни с кем, кроме меня, не общается.

– Через фейсбук.

– Меня нет на фейсбуке.

– Вас нет. Есть Ваша мама. Я нашёл её страницу, прочёл там, что у неё есть дочь Вера. Ну и пробил «Вера Розанова» по всем сетям. А Вы оказались тут! Да ещё и онлайн.

– Совпадение.

– Как и то, что мы учимся в соседних школах.

– Вы в какой?

– В 79-й.

– О, у вас, говорят, физика сильная.

– Понятия не имею. Вы отличница?

Я послала смайл. Пусть понимает, как хочет.

– Мне надо идти, – написала я, *– уроки. И ещё у меня завтра йога с утра.*

Сама не знаю, зачем я написала про йогу. Видимо, захотела впечатление произвести.

– Йога? – заинтересовался он. *– Где*?

– На Полянке.

– Ого!

Он прислал смайл с вытаращенными глазами. Я улыбнулась. Сработало!

– И как Вы туда добираетесь? С двумя пересадками?

– Да.

– Вы меня пугаете, Вера. Вы меня уже испугали тем, что отлично учитесь. Да ещё и йога.

– В шесть утра, – отметила я.

– Вы…

– Монстр? Да, мама тоже так говорит.

– Нет, удивительная. Вер, прежде чем Вы уйдёте готовиться к полёту в космос, можно вопрос? Я просто кое-чего не пониманию.

– Да, – написала я, догадываясь, о чём он спросит.

– Почему Вы были так недовольны, когда я предложил сделать Вам спектакль?

– Потому что мне не хочется выступать.

– Так отказались бы!

Я задумалась.

– Знаете, – начала я, *– есть такое слово… «challenge»*.

– Вызов?

– О, хорошо знаете английский?

– Да нет, у меня тут гугл-переводчик под рукой. Шутка. Да, у нас не только физика сильная в школе.

– Так вот, для меня это был вызов, я его приняла. Но это не значит, что он мне нравится. Как-то так.

– Понял. Вопросов нет.

Я закусила губу. Ну вот, опять нагрубила! А вообще-то был же план извиниться.

– Даниил…

– Лучше Даня… Не люблю я эти писклявые «иии».

– Даня, на самом деле, это была хорошая идея. И извините, что так резко отказала с телефончиком. Просто не представляю, как я буду делать какой-то спектакль. Я же не Петрушка.

– «Ты дочь революционера, а кривляешься, как Петрушка!» – откуда это?

– «Динка»! Ты что, «Динку» читал?!

И тут же вскрикнула: «Ой». И написала: «*Упс*».

– Если бы я был злопамятный… – написал он.

– Простите…

– Но я не злопамятный! И давай уже на «ты», а?

– Ладно. Если ты читал «Динку», с тобой можно и на «ты».

– Я не помню, – признался он, *– просто в памяти всплыло*.

– Как можно не помнить «Динку»? Там три сестры было: Динка, Алина и Мышка.

– А, Мышка! Лёнька ещё, да?

– Точно! Как же круто, что ты читал «Динку».

– Слушай, ну мы же книжные дети. В смысле, твоя мама пишет книжки.

– А твоя?

– В «Переплёте» работает. Знаешь такой журнал о детской литературе?

– Да, конечно.

– Мама была на той встрече в кафе.

– Такая тёмная, в очках?

– Нет, это Марина. Она организатор детской программы и мамина подруга. Я ей помогал составлять список мероприятий. Я всю жизнь по этим фестам болтаюсь. И читаю. И мама читает всю литературу подряд: и взрослую, и детскую. И мне в детстве читала очень много. Наверное, и «Динку» твою.

– Хочешь сказать, тебя перекормили книгами?

– Нет, я люблю читать.

Я выдохнула. Я тоже читаю с детства очень много и по-прежнему люблю это дело.

– А кто у тебя любимый? – спросила я. *– Стефани Майер?*

– У-у-у-у, нет! Только не вампиры! Я их боюсь!

– И я!

– Вообще я в детстве любил Крапивина. Там нормальные приключения.

– А сейчас?

– Сейчас у меня на столе Довлатов. «Чемодан». А у тебя?

Я молча смотрела на экран. А потом одним пальцем набрала:

– И у меня.

– Врёшь?

– Зачем?

– Удивительно, да?

– Ага.

– Слушай, а к разговору о совпадениях. Мы же раньше могли познакомиться, на каком-нибудь книжном фестивале. Или на фестивале мультиков в Суздале.

– А ты ездил в том году?!

– Да. Ты тоже? Ну, я так и знал. А тебе какой мульт больше всего понравился?

– Не помню, – призналась я, *– хотя, нет, погоди, там был один, про старые игрушки на чердаке, не помню, как называется!*

– Это мульт Ивана Максимова! Надо писать, что он мне тоже больше всех понравился?

– Не надо, догадываюсь.

– У него ещё классный «Болеро», посмотри на ютьюбе. Надо же, сколько у нас совпадений. Такого не бывает. Слушай, а давай попробуем одновременно ответить на какой-нибудь вопрос? Так, чтобы не думая. Например, какое у тебя любимое время года?

– Весна.

И тут же от него пришёл ответ: «*Весна*». Секунда в секунду с моим, я проверила, «Контакт» время выставляет.

Я послала смайлик, он тоже. Тоже секунда в секунду.

Тогда я дописала:

– Только ранняя!

И он тоже! Тоже приписал:

– Только ранняя.

– Эй! – написала я сердито. *– Хорош повторять-то*!

– Я не повторяю! Клянусь, я не видел, что ты написала! Просто я аллергик, когда всё начинает цвести, я обнимаюсь с кондиционером.

– Я тоже аллергик, – написала я, *– меня всё детство водили к гомеопату.*

– На Белорусской?

– Да…

– Ольга Петровна? Краснова?

– Да!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Классно, да?

– …

Я послала многоточие. А что тут ещё скажешь?

– Значит, мы могли познакомиться ещё в детстве, – заключил Данька, *– лучше, наверное, не продолжать вспоминать, иначе выяснится, что мы ходили в один детсад и писали в один горшок, и я буду… ммм… смущён!*

– Давай тогда о чём-то другом из детства, не о горшках! Ты был послушным ребёнком?

«Вконтакте» те сообщения, которые прочли, становятся белыми, а те, которые не читали, остаются синими.

Моё оставалось синим минуту, другую. «Ещё с кем-то болтает», – сообразила я и написала:

– Ну, я пойду?

– Погоди, – мгновенно ответил он, *– я смотрю твои аудиозаписи. Они на восемьдесят процентов совпадают с моими. А ты правда любишь «Нувель Ваг»? Или так, потому что модно?*

– Правда, конечно.

– А тексты понимаешь?

– В общем – да.

– Я люблю, когда они поют:

Won’t you dance with me
In my world of fantasy?

– Перевести?

И тут же, не дожидаясь моего ответа, перевёл:

– «Потанцуешь со мной, в мире моих фантазий?»

Мурашки побежали у меня по рукам, ногам, спине. Я понимала, что это всего лишь песня, но…

– У них вообще прикольные песни, – бодро продолжал разглагольствовать Данька, – *наверное, не очень подходят, чтобы при первом знакомстве цитировать, но сейчас уже час ночи…*

– Сколько-сколько? – не поверила я.

Точно! Час! Я что, сижу тут уже несколько часов?

– А ещё мне нравится у них «Я кое в кого начинаю влюбляться», слышала? Сейчас пришлю тебе ссылку. Слушай, а почему ты в этом «вк» отвисаешь? Почему не на «фб»? Там публика помоднее.

– Я не «отвисаю» тут. У нас тут группа математического кружка. Обсуждаем решения задач. И мне не нравится фейсбук. Там все только и делают, что хвастаются фотками друг перед другом.

– А тут – нет?

– Я тут – по делу!

– Понял-понял, вопросов больше не имею.

Мы продолжали разговаривать ещё долго, пока он не написал:

– Погоди, я перейду с компом в кровать. Только никуда не уходи! И напиши мне свой телефон на всякий случай, пожалуйста.

Я и не могла уйти, если бы хотела. Разговор с ним затягивал, как водоворот. У меня в жизни не было такого собеседника, чтобы можно было поговорить на любую тему, и чтобы он так сильно был похож на меня, и чтобы каждое слово, которое он скажет, было мне интересно. Я боялась даже шевельнуться, а не то чтобы встать. Шевельнуться и потерять контакт с ним.

– У меня может сесть батарейка, – предупредил он.

– Ничего страшного, зато в конце концов оторвёмся от диалога, – сопроводив фразу смайликом, написала я.

– Знаешь, я от тебя не могу оторваться.

– Я тоже, – призналась я.

В жизни бы не сказала такое парню вслух! Но тут, да ещё и в такой час!

Руки у меня были холодные и влажные. Ноги – закоченевшие, несмотря на носки, которые я натянула, не отрывая взгляда от экрана.

В голове – полная ясность и полный туман. Ясность по поводу того, что происходило «Вконтакте». Туман – по поводу всей остальной моей жизни. И сейчас, когда граница между сном и реальностью расплылась, я решилась на самый важный вопрос:

– Дань… Скажи мне, неужели жёлтые щёки – это так смешно?

Он молчал.

Я нервно потёрла руки, замерев в ожидании ответа.

Но ответа не приходило.

«Он обиделся? Разозлился?» – заметались у меня мысли.

Но он всё молчал и молчал, а потом вдруг значок «online» возле его юзерпика исчез.

Глава 6
Барьеры и девизы

Я неслась на йогу, как… не знаю, это мамина работа сравнения подбирать. Угорелая? Сумасшедшая? В общем, я сбила с ног двух милых тётенек на эскалаторе в метро, а один дяденька крикнул мне вслед:

– Эй! Осторожнее, психованная!

Правда, моя бешеная скорость сыграла со мною злую шутку. Я выскочила на «Менделеевской», чтобы сделать пересадку на «Новослободскую», и бросилась к лестнице, ведущей к переходу, не заметив, конечно, знака «перехода нет». Со мной ещё поднялось человек пять таких же торопыг. И мы, поднявшись, дружно обнаружили, к своему разочарованию, что между нами и эскалатором – железный барьер. Кто-то сиганул через него, но я, конечно, вернулась обратно. Я ехала на йогу всё-таки, а не на соревнования бешеных кроликов.

Когда я ворвалась в раздевалку спортивного комплекса, то поняла, что занятие уже началось. Началось недавно, всего минут пять назад. Меня бы пустили, конечно, если бы я быстро-быстро переоделась, но я поняла: сил на быстрое-пребыстрое переодевание в спортивный костюм у меня нет.

Я опустилась на скамейку. И закрыла глаза. Тут же замелькали фразы из «Вконтакте». «*Потанцуешь со мной в мире моих фантазий*?» «*Мне нравится всё, и то, что нас сближает, и то, что разъединяет*». «*Я не могу от тебя оторваться». «Мы могли познакомиться ещё в детстве!*»

Ничего, что я опоздала на йогу. Зато наконец-то не опоздаю в школу. А то всё время прибегаю впритык, часто после звонка, хорошо, по вторникам-четвергам у нас русский, а русичка – бывшая мамина одноклассница, а то бы мне каждый раз требовался новый мячик для снятия стресса.

Так что надо подниматься и топать на русский. К счастью, домашку я сделала ещё на выходных, я из тех людей, кто всё делает заранее, и вот наконец-то настал день, когда я могу насладиться преимуществами такого подхода.

Я зевнула. А ведь мы и правда могли встретиться в детстве. Он, наверное, симпатягой был, в детстве торчащие уши смотрятся довольно мило…

Так, надо подниматься и…

Кто-то тронул меня за плечо. Я открыла глаза. Тренер по йоге. А где остальные участники группы?

– Может, вам перейти в более позднюю группу? – участливо спросила она.

Я глянула на часы. Боже мой! Вот почему в раздевалке нет никого из группы, а шкафчики открыты и окна распахнуты для проветривания. Половина восьмого! Все ушли!

Я подскочила. Снова бежать! Даже быстрее, чем сюда, на йогу. Потому что русский не прогуляешь просто так. Да и глупо – с выполненным домашним заданием.

Я помчалась к метро, снова толкая полусонных прохожих, и, разумеется, опять выскочила в тот переход, где перехода на самом деле нет. Не понимаю одного – почему они повесили этот знак где-то высоко над головой? Кто ходит с высоко поднятой головой в семь утра?

Нет чтобы поставить железные заслонки, которые снова преградили мне путь к нужному эскалатору, внизу, у подножия лестницы? Перепрыгнуть, что ли? Нет, слабо…

В этот момент в кармане куртки у меня пикнул телефон.

«А у кого были жёлтые щёки? Прости, вчера тупо заснул».

Я возликовала: он не заметил жёлтых щёк в кафе! Он улыбался мне просто так! Была бы я сейчас в кафе, расцеловала бы всех: и строгую тётеньку в очках, и ту, что с косами, и

толстушку, обгрызающую корочки на пицце, и Даньку заодно (его – дружески! В щёки!). И даже гардеробщика.

Все пятеро показались мне страшно милыми. А поскольку никого из них рядом не было, всё, что мне оставалось сделать – это… правильно! Перепрыгнуть через заборчик.

Я, правда, его чуть не свалила. И вахтёрша на меня разоралась. Но я попала на нужную мне сторону и прошептала: «Я беру барьеры. Всегда».

До школы я добежала, но на уроках всё слушала вполуха. И смотрела на доску, учебник и одноклассников – вполглаза.

В этот день всё, о чём шла речь на уроках, всё, к чему я прикасалась, всё имело отношение к Даньке. Я завязывала кроссовки на физре и думала: «А какие у него?» Я покупала пиццу с грибами в столовке и думала: «А какую любит он?» Я смеялась над шутками одноклассников и ставила себе крестики в тетрадке: не забыть вечером пересказать Дане. Я сказала Наташке, сидящей за мной, «спасибо» на её «Крутейшая у тебя, Верка, косища!» и жалела, что Наташкиных слов не слышит он (не станешь же пересказывать, хвастаться глупо).

В конце концов уроки закончились, и я побрела в сторону дома. Я всегда устаю после уроков, но потому, что выкладываюсь на все сто, отвечая на вопросы и решая задачи. Данька угадал, я круглая отличница, у которой давно не было не то что «троек», а даже «четвёрок»!

А сегодня я даже не помнила, о чём шла речь. А, нет, кое-что помнила. Помнила, как заснула на химии прямо на учебнике. Хорошо, Тамара Семёновна не заметила, но кое-кто из ребят видел. Я поморщилась. Тьфу. И смешно, и глупо.

Вообще странный был день. Непохожий на мои обычные. Ни капельки не похожий. Я никогда никуда не опаздываю, не плаваю на уроках (а уж тем более не сплю!), не витаю в облаках и не сижу в Инете до утра. К чему всё это? Неужели я…

Я остановилась.

Нет, только не это.

Да, Вера, кажется – это. Поздравляю тебя, моя дурочка. Ты влюбилась.

Эта мысль вызвала во мне разные эмоции. Я влюбилась, это прекрасно. Но последний раз, когда я это сделала, всё закончилось кошмаром.

Спокойно, спокойно. Тогда всё вышло из-под контроля. Я поддалась эмоциям. Я не должна была приводить **туда** Олега. Да, мне хотелось поделиться с ним своей тайной, но я была глупенькая, мне казалось, что то, что нравится мне, должно понравиться и ему.

Но теперь я гораздо умнее. Теперь, во-первых, я никогда не расскажу Дане, куда я езжу каждую субботу. Во-вторых, он не узнает об Олеге. В-третьих, похоже, то, что я влюбилась, начинает мешать моей обычной жизни.

Спокойно!!

«Держать эмоции в себе, держать эмоции в себе», – пробормотала я свою любимую мантру.

О’кей, доктор, какая у нас проблема? Мы влюбились и теряем контроль над своей жизнью. Какие наши действия? Взять жизнь обратно под контроль – вот какие.

Жизнь и мои эмоции, все, какие есть.

Не позволять им мешать ходу моей жизни. Это же просто очередной барьер. А какой у меня второй девиз? Правильно, я всегда преодолеваю барьеры.

Итак, забыли о Даньке на день!

Ну или хотя бы до вечера. План таков: дом, обед, уборка в комнате, стирка (и то, и другое я считаю за отдых, голова же отдыхает!), дальше – уроки, маткружок и немного йоги на ночь. Будет, конечно, непросто сначала залезть на страницу маткружка «Вконтакте»; а только потом проверить, нет ли Дани. Ну ничего, я сильная, справлюсь как-нибудь. Мне поможет

йога. Ведь ею просто необходимо будет заняться вечером – я же пропустила одно занятие. Или я – не я. Ибо третий девиз Веры Розановой – ни дня без йоги.

Я дошла до дома. Сняла пальто, сбросила сапоги, прислушалась. Бабушка у соседки. Мама где-то бродит в поисках вдохновения. Я на секунду зажмурилась и бросилась к компу.

Глава 7
На что похожа любовь?

Пока я вводила пароль «Контакта», в ладонях покалывало от волнения.

Ну… Ну?!

«Даниил был в Сети три часа назад».

Я подождала немного. Его не было.

Что ж, это явно можно расценивать как знак свыше. Сама Вселенная нашёптывает мне: «Вера… принимайся за уборку… за стирку… не забудь кинуть в машину мамины заляпанные брюки…»

Я поднялась со вздохом. Сняла со стула блузку, которую вчера так и не донесла до бака с бельём. От неё по-прежнему пахло кофе. Я вдруг прижала её к губам. И осознала, что запах мне нравится.

Глянула на экран. Данька по-прежнему оффлайн. Я беспомощно огляделась. Неужели мне сейчас надо будет поднимать с пола какие-то вещи и думать, куда их класть? Нет, на это явно нет сил. Я покачала головой. Снова глянула на экран. Сняла с полки учебник по истории. Может, история приведёт меня в чувство?

Но сколько бы я ни вчитывалась в параграф, смысл его до меня не доходил. У меня внутри произошло какое-то раздвоение. Одна половинка жаждала увидеть Даню онлайн, а лучше – живьём, погрузиться в завораживающий разговор, который нет сил закончить… Другая с ужасом взирала на происходящее, понимая, что контроль утерян, что эмоции несутся снежной лавиной, но куда? Куда?!

Не выдержав, я отшвырнула учебник. Подошла к столу, взяла термос с зелёным чаем, который всегда держу под рукой. Хотела было налить в чашку, но вовремя обнаружила в ней бабушкину конфету. Бабуля решила сделать мне сюрприз, это очень трогательно.

Правда, вряд ли она хотела, чтобы я ела апельсиновую цедру в горьком шоколаде до обеда, но мне сейчас очень кстати было бы ощутить бабушкину поддержку. Потому что я хотела разобраться в себе. Я хотела понять…

С чашкой чая в руке, накинув на плечи любимый голубой палантин, расшитый прозрачным стеклярусом, я вышла на балкон.

Наверное, я была похожа на персонаж любовного романа Даниэлы Стил, но почему бы не повоображать немного, когда ты осталась наедине с собой?

За окном октябрьский ветер трепал оголившиеся верхушки деревьев, и только за одну из них храбро цеплялся крошечный зелёный листик.

Я отхлебнула чай, подражая героиням Стил. Где я читала её книги? Ах да, по субботам, в ожидании, пока **они** вернутся с обеда.

Не сводя глаз с листка, я задумалась: на что похоже то чувство, которое я ощутила? О’кей, мы назовём это любовью, но любовь – это слишком общее понятие. Мне казалось, что если я найду более точное определение, то и эмоции будет легче взять обратно под контроль.

Больше всего моё чувство напоминало сочинение на любимую тему. Вообще я сочинения терпеть не могу писать. Это занятие кажется мне бессмысленным, учителя называют «нашими сочинениями» просто подборку мыслей, которые сами же продиктовали нам на уроке. Попробуй отступи от канонов! Признайся, что считаешь Базарова нелепым, а Наташу Ростову – глупой. Больше всех меня всегда раздражала Катерина у Островского – надо же было настолько дать волю чувствам, чтобы довести саму себя до самоубийства. Ну просто верх глупости, на мой взгляд.

Однако, как-то раз нам дали довольно странную, но любопытную тему. «Если бы у меня была прошлая жизнь, кем бы я в ней был?» Не знаю почему, но эта тема задела меня.

Её ещё и на дом дали. Целый вечер я провела, придумывая себе прошлые жизни. Столько профессий перебрала! В конце концов остановилась на журналистике. Я была бы журналистом в эпоху застоя. Писала в своей газете правду и только правду, а власти бы преследовали меня, бросали в тюрьму, пытали и мучали, но это всё равно не сломило бы мой дух, и я продолжала бы «глаголом жечь сердца людей»! Я помню, сколько радости я испытала, описывая в подробностях свою «прошлую жизнь», такую непростую, но счастливую. Я грезила своим сочинением весь вечер, и то, что я испытывала сейчас, было очень похоже на то, что я чувствовала тогда. Увлечение, страсть, потеря контроля над собой.

А ещё любовь похожа на игру. Детскую. Помню, когда мама пришла в детский сад читать свои сказки про мышей, я сидела в зале вместе с детьми и воспитателями. А двое мальчишек лет четырёх скучали-скучали, а потом достали из карманов по машинке. У одного обычная, белый «Мерседес», у другого – полиция. И принялись играть в «поимку вора».

Взрослые и шипели на них (мол, тихо! Писательница настоящая приехала!), и толкали в спину, а пацанам – всё равно! Знай себе играют и исподтишка улыбаются друг другу.

Так и любовь… Пусть кто-то шипит (даже если этот кто-то внутри тебя!), кто-то недоволен («Иди стирай мамины брюки, Вера!»), но ты увлечён настолько, что забыл о времени, забыл о приличиях, и знай только играешь в свою игру, и тебе кажется, что она не кончится никогда…

Я допила чай, поплотнее закуталась в палантин. А неплохо придумала эта Стил: выставлять героинь на воздух в палантинах и с напитками в руках. Довольно уютно.

Меня немного успокоило то, что я разложила свои чувства по полочкам. Может, вообще завести дневник, куда записывать коротко – на что похожа любовь, пытаться находить ей определения, пытаться понять, что она такое, и таким образом держать себя и свою жизнь в руках?

Я окинула взглядом коробки, громоздившиеся на балконе. Свои вещи я сортировала так же, как и чувства. Иначе с моей мамочкой сойдёшь с ума. Она же всё время ездит по разным книжным фестивалям и выставкам и притаскивает оттуда кучу ерунды: какие-то колокольчики, огромные матрёшки, блокноты всех цветов и мастей, о книгах вообще молчу!

Совсем ненужные вещи я безжалостно выбрасываю. Нечего копить дома отрицательную энергию! А вещи, которые вообще не используются, но в принципе могут пригодиться, укладываю в коробки и подписываю несмываемым маркером. Сейчас мой взгляд задержался на коробке с надписью «блокноты».

Я присела на корточки, распахнула коробку. Так, посмотрим. Блокноты с шелкографией, записные книжечки из пальмовых листьев и папируса я сразу отложила в сторону. Как говорится, «вещи красивые, но бесполезные».

Мне требовалось что-то маленькое, чтобы таскать с собой в сумочке или даже кармане, а половину моего кармана и так обычно занимает мячик для снятия стресса!

Вдруг я наткнулась взглядом на крошечный прямоугольный блокнотик. Маме подарила его её лучшая подруга, тоже Вера, как и я. На нём было написано «flipbook blank», и предназначался он для того, чтобы делать мультики. В уголке рисуешь крошечные картинки, каждая чуть-чуть отличается от предыдущей. А потом зажимаешь большим пальцем правый нижний угол и быстро листаешь – вжик! И перед глазами начинает мелькать мультик. Мама, а может, и её подруга уже успели накорябать какой-то мультик про машинку, которая лезет на горку всё выше и выше.

Отличная идея. Я похожа на такую машинку. Лезу и лезу на любую гору. Я взяла в другой коробке простой карандаш, уселась на первую, с блокнотами, и написала на первой страничке флипбука:

«**Любовь похожа на сочинение**. **Любовь похожа на игру**».

…Листик по-прежнему крепко держался, как ветер ни пытался его сдуть. «Держись! – подумала я. – И я буду держаться. Чтобы не получилось, как в **тот** раз».

Когда я вернулась в комнату, на экране горели четыре чёрных прямоугольника, один над другим. Сообщения от Даньки.

Не заметив, что зацепилась палантином за гвоздик в проёме балконной двери, я рванулась к экрану.

Я глянула на дырку. Даниэле Стил это бы не понравилось. Я покачала головой, сбросила палантин, который так и повис на гвоздике, и плюхнулась на стул перед компом.

Очнулась я часов в десять вечера.

Смутно припомнила, что в комнату заходила мама, заглядывала бабушка. Точно бабушка заходила, на гвозде палантина не было, значит, она забрала его, чтобы заштопать, да и сама балконная дверь была крепко прикрыта, чтобы не дуло.

В животе у меня забурчало. Выходит, я не обедала! Но почему они меня не оторвали от экрана? Не заставили есть? Что я им такое сказала, что они позволили мне болтаться «Вконтакте» весь день?

Может, я им соврала?!

Я ведь стараюсь избегать вранья. Но раз уж я уже что-то соврала маме и бабушке и продырявила сегодня не только палантин, но и свою карму – враньём, может, и ничего, если я совру ещё раз и напишу в маткружке, что я заболела?

Я ведь и правда заболела – любовью. Вот ещё на что похожа любовь! На болезнь!

Впрочем, это уже похоже не на моё открытие, а на надписи с фантиков к жвачке «Love is…»

Итак, я написала в маткружке, что заболела (не уточняя, чем!), торопливо поужинала своим обедом, наспех накорябала домашку по физике и алгебре (какое счастье, что английский был сделан ещё на выходных!) и решила лечь спать. На комп даже не смотрела. Вдруг телефон пикнул. Эсэмэска! От Даньки!

«*Пошли в субботу в ЦДХ на выставку*?»

«*Прости, в субботу занята*», – с сожалением ответила я.

«*Воскресенье?*»

«*Да!*»

«*ОК. Хотел спросить, а ты какой больше всего любишь сок*?»

Я ответила и легла в кровать, ведь спать всё-таки хотелось. Однако от него приходили всё новые и новые вопросы, он снова не мог оторваться от меня, как вчера! А я – от него!

От бытовых вопросов про сок мы перешли к философским («*Как думаешь, ты хороший друг*?»).

И хотя мы договорились не удивляться совпадениям, а воспринимать их как должное, всё равно я продолжала удивляться и ощущала его удивление тоже.

В час ночи он вдруг предложил: «*А выходи «Вконтакт»?»* Это было сумасбродством, но я вышла.

Там Данька совершенно неожиданно стал рассказывать про родителей, как он любит маму, и как ему не нравится отношение к ней отца, что тот зарабатывает кучу денег, и мама может заниматься своим журналом, но при этом у него проблемы с алкоголем, и очень страшно, когда отец начинает кричать.

Это было странно, мы виделись всего один раз в жизни, а он вдруг так доверился мне. На такое доверие тоже хотелось ответить искренностью, и я рассказала ему, что у меня вообще не было никакого отца, мама никогда не говорила, кто он и откуда, что мама у меня – ребёнок, который придумывает какие-то сказки, и что живём мы на деньги, которые бабушка получает от сдачи своей квартиры. Свою главную тайну я, конечно, ему не рассказала. Но

для меня и этот честный рассказ о семье был неожиданностью, я никогда никому не рассказывала в школе или на занятиях об этом.

Мы говорили друг с другом полночи, и ни он, ни я не отвлекались больше ни на кого в чатах. Я отвлеклась только один раз, чтобы записать в свой флипбук: «**Любовь похожа на доверие**».

А перед сном сделала ещё и такую запись:

«**Любовь похожа на стихийное бедствие, на тайфун, который срывает крышу с твоего домика, подхватывает тебя, кружит в вихре и уносит… Куда?**

Неизвестно… Но туда очень хочется».

Глава 8
Дружеская встреча?

В воскресенье я встала пораньше, чтобы спокойно собраться на свида… стоп. Нет. Дружескую встречу.

Ибо то, что я влюбилась в Даню, не означало, что он влюбился в меня. У нас много общих тем, совпадений, точек соприкосновений. Но так ли для него это важно, как и для меня? Может, он так совпадает с каждой девушкой. Кстати, вполне возможно, что у него есть девушка.

Да, мы много общались «Вконтакте», открывали друг другу душу, особенно по ночам. Но это могло и ничего не означать.

«Спокойно собраться» не получалось – стоило мне достать вешалку с платьем или рубашкой, колени начинали подгибаться, а руки – дрожать.

Мне очень хотелось найти способ справиться с волнением. И я нашла. «Способ» висел прямо перед моим носом. Одежда.

Девчонки, когда идут на встречу с парнем…

Нет, не так. Нормальные девчонки, когда идут на встречу с парнем (не забывай, Вера, дружескую!), долго крутятся перед зеркалом и прикидывают на себя разные варианты одежды. Юбка? Да, вот эта, покороче. Чтобы **он** видел, какие у меня красивые ноги. Или наоборот, юбка – подлиннее. Чтобы **он** не видел, что у меня ноги-то – не очень. Или вот – джинсы! Они новые, только что с распродажи. **Он** их на мне не видел. Он, он… Один сплошной ОН.

Я поняла, что волнуюсь именно потому, что не знаю, что понравится Даньке. И решила надеть то, что однозначно нравится МНЕ. Любимая одежда точно поможет справиться с волнением!

Тем более, что у меня есть свой стиль. Я ношу только классическую одежду. Юбки-карандаши. Строгие рубашки. Пиджаки. Туфли. Это в школу. Что ж, неужели и выходные я не позволяю себе расслабиться, спросите вы? Никаких джинсов и толстовок с кедами? Могу признаться – нет у меня ни одной пары джинсов. Я их и не считаю за одежду! Униформа ковбоев и американских фермеров. При чём тут девушка, которая идёт на сви… дружескую встречу?

А расслабиться я позволяю себе. Потому что надеваю длинную чёрную юбку и кремовую шёлковую блузу, или серое трикотажное платье, а на грудь прикалываю брошь. С камеей. Есть у меня одна, от бабушки. Дама с виноградной лозой. Все девчонки в классе вздыхают: «винтаж», «на пике моды», а я просто люблю эту штуку, и плевать я хотела, на пике она или нет.

Правда, хоть мне и плевать на моду, я отследила, что в последней рекламной акции фирмы, одежду которой я покупаю, снялась Кейт Мосс! А ещё эти кардиганы и трикотажные платья носит Сиенна Миллер, подружка Джуда Лоу.

В общем, я совсем, ну просто ни капельки не думала о Даньке. Надела тёмное-синее вязаное платье, к нему – металлический пояс. Черные сапоги без каблука, чёрная сумочка-клатч. И белое пальто. Грязновато, конечно, в конце октября, но, в отличие от мамули, я умею носить вещи!

После выставки Данька мог пригласить меня в кафе, и я точно решила, что за свой кофе заплачу сама. И билет на выставку тоже сама куплю. Хватит с меня тех, кто платит за мой кофе.

Я тряхнула головой. Проехали!

В метро было жарко, я расстегнула пальто в ожидании поезда. Рядом со мной на лавочке сидела девчонка в пёстрой шапке и надувала пузыри из жвачки, разглядывая окружающих. Подле неё сидел парень и читал электронную книжку.

Я глянула на часы, вроде не опаздывала. Он-то наверняка не опоздает, классные парни никогда не опаздывают. И, скорее всего, будет с цветами. Надо было сказать ему, что я не люблю цветы. Я недовольно посмотрела на свои руки, словно мне в них уже сунули букет колючих роз, о которые я наверняка поцарапаюсь. Хотя он классный, то есть будет оригинальничать и прикупит букетик каких-нибудь альстромерий. Ничего не скажешь, они, конечно, и стильные, и красивые, но со стеблей наверняка будет течь вода, и она будет капать мне на пальто, останутся мерзкие мокрые пятна. И никто не догадается, что я только утром вычистила пальто специальной щёточкой, а все будут думать, что я околачивалась утром под водосточной трубой, с которой на меня и накапало, или, что хуже, решат, что птицы перепутали меня с памятником.

И вот в этот самый момент я услышала, как девушка, лопнув очередной пузырь, говорит своему парню:

– Глянь, какое платье крутое!

Автоматически я повернула к ним голову. Она смотрела на меня. Парень, не отрываясь от электронной книжки, произнёс:

– Да ну! Старушечье!

Тут подошёл поезд, и хотя в стекле окон отражалось то, что девушка заспорила со своим парнем, указывая на меня и размахивая руками, из-за шума поезда я их не слышала.

«Подумаешь, – пробормотала я, – тоже мне, эстет!»

Старушечье? Ну и на здоровье! В конце концов, я и не собиралась очаровывать Даниила! Я просто шла на выставку, раз уж он пригласил. Шла, одетая в то, что мне нравится!

Я уже зашла в вагон и теперь стояла, ухватившись за поручни, и злилась. Злилась на то, что не могу выкинуть из головы слова того парня. Ну где, где оно старушечье?!

В конце концов я вспомнила, что и Сиенне Миллер в жизни не всегда везло. Ей, бедолаге, вообще Джуд Лоу изменил с няней их детей, довольно страшной тёткой. Так что наверняка ей тоже приходилось слышать от какого-нибудь Роберта Де Ниро или там Адама Сэндлера: «У вас, Сиенночка, сегодня довольно старушечий прикид!» Но ничего, мы, стильные девушки, прорвёмся!

В эту секунду мне страшно захотелось увидеть Даню. И понять по его взгляду, нормально я выгляжу или нет. И прежде чем мне стало стыдно за свои мысли, я выскочила из вагона на «Октябрьской», где мы договорились встретиться, и…

И его там не нашла.

Ни у стены. Ни в центре зала. Ни за столбами – я обошла каждый, разглядывая их так внимательно, словно надеялась найти под ними с десяток белых грибов на супчик.

Так. Так, спокойно, Верка.

Но тут же внутри взорвалось: «Какое «спокойно»!» Даже не так, а так: «Дры-ты-ты-ты!» Если он сейчас, в эту же секунду, выйдет из вагона, то получится, что я приехала первая! Пришла на свидание раньше парня! Вот уж позор, дальше некуда.

И, не давая себе опомниться, я вскочила в вагон только что пришедшего поезда.

И когда уже станция скрылась с моих глаз, я вспомнила, что вообще-то это не свидание, а просто встреча, просто поход на выставку. Эх. Надо было остаться. А когда бы он всё-таки пришёл, надо было бы его отчитать, по-дружески пожурить!

Так. «Спокойно! – велела я себе, выскакивая на следующей станции и перебегая на противоположную сторону, чтобы поскорее вернуться. – Наверняка его ещё там нет! Встанешь у стены с независимым видом. Да, пришла первая! Ну и что?»

Но, конечно, Данька уже стоял у стены. Без цветов. В чёрной спортивной куртке и джинсах. Синяя сумка для ноута через плечо.

Стоял-стоял, смотрел рассеянно на прохожих. А потом – раз. И прямо мне в глаза. Как маяк – подал луч света.

Я вдохнула поглубже, а выдохнуть не смогла. Вдохнула снова, защипало в глазах, я закашлялась. Подошла, улыбнулась и тут же отвела глаза.

Меня окатило волной такое смущение! Надо было срочно куда-то деть глаза, и я зачем-то посмотрела ему в руки.

– Я без цветов, – сказал он, не особо извиняясь.

– О, – пробормотала я, – ура! Я их не люблю.

И растерянно улыбнулась. И чуть не двинула себя по уху, надо было сказать, что это дружеская встреча, а значит, цветы не обязательны!

– Да ладно, – улыбнулся он, – не защищай меня, я идиот. Забыл про цветы. Я и о точном времени забыл, то ли, думаю, в двенадцать встречаемся, то ли в пятнадцать минут первого. Хорошо, что ты тоже опоздала.

– Я… – слова застряли у меня в горле.

Ну не признаваться же, что я уже десять минут разъезжаю туда-сюда, поджидая его!

Ладно, пусть думает, что я опоздала. Точка.

Надо признать свою ошибку и успокоиться. Не забывать про контроль. Просто встреча, на которую один из друзей опоздал. И второй тоже.

– Зато вот что я тебе принёс, – объявил он, вытаскивая из сумки… шоколадку.

– Спасибо, – растерялась я.

– Как друг другу, – подмигнул он мне, – у нас же дружеская встреча?

Я кивнула и подумала, что отдам шоколадку маме, ведь он вряд ли угадал, что мы с бабушкой едим только…

– Горький, – объявил Данька, – с апельсиновой цедрой и кусочками жареного миндаля.

«Хм, – подумала я, – у мамы вроде был запас зефира в шоколаде».

– Спасибо, – пробормотала я, – откроем?

– Нет, открой дома! Съешь кусочек и, может, вспомнишь о каком-нибудь своём друге.

Я кивнула. Вид у меня, должно быть, был дурацкий. Повисла пауза. Я смущённо уставилась в пол, он кашлянул.

– Мешает, да? – вдруг спросил он.

– Что?

– Ну, мы с тобой так много общались «Вконтакте». Столько друг про друга узнали. А в жизни-то всё это не обсудили.

Я чуть покраснела, вспомнив, как он переводил мне песни «Нувель ваг» (это же был флирт чистой воды!), как рассказывал ночью про проблемы родителей. Потом вспомнила, что и сама рассказала ему много такого, о чём бы даже не упомянула при личной встрече!

– Мешает, – тихо согласилась я.

– Значит, будем догонять? – с улыбкой спросил он и вдруг взял меня за руку.

А рука у меня, конечно, от волнения была липкая, холодная и мокрая, как дохлая аквариумная рыбка. Ну не ожидала я, что он вдруг меня за неё схватит! Иначе вытерла бы её об салфетку в кармане или согрела бы дыханием, да мало ли способов изобразить, что у тебя всё нормально!

Если у меня всё нормально, конечно, что ещё бо-ольшой вопрос.

Потому что события этого утра, начиная от того, что я не нашла его на станции и зачем-то попёрлась в другую сторону, больше всего напоминали не какую-то встречу хороших друзей, а снежную лавину, которая обрушилась мне на голову, и я, обалдевшая, перестала себя контролировать и шаг за шагом делаю глупости.

Данька тем временем потащил меня к выходу через толпу людей, которая как раз вышла из вагона.

– Быстрее! – крикнул он, обернувшись. – Нам надо догонять!

Глава 9
Синяя сумка

Догонять оказалось совсем не так просто. Мы очень стеснялись друг друга. На улице он выпустил мою руку и принялся что-то насвистывать. И почему-то ускорил шаг. Я попыталась идти с ним в ногу. Его рука была совсем рядом, но при одной мысли, что я могу взять его за руку, я чувствовала, что заливаюсь краской.

На светофоре он притормозил. Я тоже, конечно, застыла, пытаясь отдышаться. Вдруг Данька повернул голову и сказал:

– Смотри!

На балконе дома, торцом стоящего к нам, стояла целая стопка тарелок, а на них спала кошка!

– Надо же, как она туда забралась, – удивилась я.

Вдруг по кошке скользнул солнечный луч, она дёрнула головой, открыла глаза, зевнула и… чихнула! Бам! Все тарелки полетели на землю!

На балкон выскочила рассерженная старушка с тряпкой. Мы с Данькой переглянулись и расхохотались.

– Зелёный! – скомандовал он и снова взял меня за руку.

В ЦДХ меня ждал сюрприз. Данька сдал свою куртку, синюю сумку и моё пальто, но тут у него зазвонил телефон, и он, прижав трубку к уху, кивнул мне, мол, дождись номерка, и отошёл. Гардеробщица вынесла мне два.

– Это, – сказала она, – ваш, а этот – вашего жениха.

– Он мне не жених, – фыркнула я.

– Это ваше дело, – сухо ответила гардеробщица.

Мне очень хотелось пересказать эту историю Даньке и вместе посмеяться, но вдруг я поняла, что стесняюсь. Было в слове «жених» что-то неловкое.

– Ну что, пошли картины смотреть? – спросил он, закончив разговаривать.

– Ага, – с облегчением ответила я.

Однако по дороге я заметила стенд с объявлением о другой выставке.

– Погоди, – тихо сказала я и подошла к стенду.

Владимир Ролов. Я слышала эту фамилию! Я быстро просмотрела его биографию, прикреплённую тут же, на стенде, и нашла нужное мне название. Ижевский дом ветеранов. Да, так и знала…

– Даня… Я хочу в этот зал… Ты не против?

Данька не был против. Мы заскочили на фотовыставку и… я пропала. Бродила-бродила, рассматривала чёрно-белые фотографии, вспоминала. Особенно мне приглянулась одна фотография. На ней миловидный старичок хлебал с улыбкой суп, а справа и слева от него сидели старушки в цветастых платочках, одна в светлом, другая в тёмном, и что-то одновременно говорили. Я не отрывала взгляда от бабульки слева. Мне кажется, что в молодости она была невероятной красавицей, у неё такой лукавый и умный взгляд!

– Смешная фотка, – одобрил Данька, внезапно возникнув за моей спиной.

Затылком я ощутила его тёплое дыхание, по шее побежали мурашки.

– Знаешь, если тебя интересуют старички, то в соседнем зальчике небольшая фотовыставка Ксении Егоровой, написано, что она на телевидении работает. Выставка у неё называется «Мои герои», и там есть несколько фоток из дома-интерната «Ромашково».

– «Ромашково»? – громко переспросила я, раскрыв глаза.

На меня обернулся какой-то бородач и сказал сурово:

– Нельзя ли потише? Вы в общественном месте!

– Дорогой, перестань, – сказала его спутница, блондинка с уложенными на голове косами.

– А чего они расшумелись? – продолжал возмущаться бородач.

– Молодым и влюблённым положено шуметь, – кокетливо заметила блондинка, – особенно такой очаровательной паре!

Данька покраснел! Схватил меня за руку и потащил в зал, где были выставлены фото Егоровой. Но покраснел! Покраснел! Я точно видела!

Впрочем, во втором зале я забыла обо всём. Тут мне и вспоминать не надо было, всё, что я знаю и вижу каждую неделю, было у меня перед глазами.

Просто странно было видеть это на таких красивых чёрно-белых фотографиях. Потому что там в принципе были обычные вещи, ряд кресел перед телевизором, стишок в рамочке на тумбочке одной из старушек, старое, шестидесятых годов, пальто на гвоздике. Я видела эти вещи тысячу раз и не находила в них ничего особенного. Но девушка-фотограф как-то смогла их сфотографировать так, чтобы они казались уникальными, удивительными, заслуживающими того, чтобы ты застыл перед фотографией, задумался о чём-то.

Я и застыла перед фотографией рук. Крепких рук, сплетённых в узел.

– «Руки повара Никитичны», – прочёл Данька, который не отходил от меня ни на шаг.

– Никитичны? – переспросила я. – Так это Полина Никитична Бахтина! Она же бывший повар! Послушай, я её знаю! Знаю!

Я схватила Даньку за руку и зачем-то прижала её к подбородку. Точно жест в стиле Стил, выражающий: «Ах, какое чудо!»

– Откуда? – спросил Данька.

Я вздрогнула, отпустила его руку. Отвернулась. И сказала:

– Как-нибудь расскажу. Но не сейчас. А пойдём на ту выставку, куда ты меня позвал?

Через несколько часов, когда картины уже слились в один пёстрый разноцветный ряд, а в голове приятно гудело, мы вернулись в гардероб за курткой, сумкой и пальто. Там на столбе было зеркало в пол. Когда мы проходили мимо него, я поймала наше отражение. Блондинка была права, мы действительно хорошо смотрелись друг с другом.

– Догнали? – спросил Данька, поймав мой взгляд в зеркале.

Ответить я не успела. Его карман сказал «би-ип», словно его телефону нравилось трезвонить именно в гардеробе. Я протянула гардеробщице номерки. К счастью, это была уже не та, что назвала Даньку моим женихом. Она быстро принесла наши вещи.

Данька тем временем достал телефон, бросил взгляд на экран и сказал:

– Мне надо поговорить. Но тут плохо слышно. Я тебя на улице подожду, на ступеньках.

– Давай, – обрадовалась я.

Мне надо было забежать в одно место, но я так и не придумала ни одной нормальной фразы, чтобы сказать ему об этом без смущения. Да и расчесаться не мешало бы. Волосы, которые я с таким трудом распрямила, опять начинали кудрявиться, а зачем ему видеть меня лохматой?

Данька накинул куртку, взял сумку и вышел.

Я заскочила в «одно место», а потом вернулась к большому зеркалу в холле и привела в порядок волосы. Ну что ж, теперь можно было возвращаться. Интересно, он пригласит меня в кафе?

– Это не моя сумка, – сказали у меня за спиной.

Я глянула в зеркало. Толстый парень лет двадцати, в свитере и джинсах хмуро смотрел на гардеробщицу.

– А чья же? – растерялась она.

– Не знаю, – сердито сказал он, – точно не моя. Верните мою.

– Девушка, – обратилась ко мне гардеробщица, – а это не вашего жениха сумка?

Опять «жениха»? Это что, заговор?!

Подавив негодование, смешанное с потаённой радостью, я глянула на сумку. Синяя с замочками, точно, Данькина. Кивнула и только хотела справедливости ради объяснить, что Данька мне не жених, как гардеробщица, видимо, испуганная суровым видом толстяка, сказала:

– Не волнуйтесь, вашу сумку жених этой девушки забрал, он только что вышел…

– Он мне не… – начала я.

– Где он? – сердито сказал парень. – Где ваш жених?

Мне стало не по себе. Настоящий псих. Тут уже неважно, жених мне Данька или сын… Да хоть бы и внук! Только надо поскорее вернуть её психованному владельцу.

Я выскочила из здания.

– Эй, – позвала я Даньку.

Он не услышал. Ходил туда-сюда возле автобуса «Бампера», торгующего книгами, зажав трубку между плечом и ухом.

– Даня!

Я подошла поближе. Смешно всё-таки. Этот толстяк настоящий псих. Чуть не приревал бедную гардеробщицу из-за своей сумки. Сейчас разберёмся с этим вопросом, и я расскажу Даньке про то, что его целый день моим мужем называют. Может, пронеслась у меня шальная мысль, он скажет, что не против, чтобы его так называли? Нет, это глупость, но посмеёмся над этим обязательно.

Я протянула руку, чтобы тронуть Даньку за плечо.

– Нет, детка, я с тобой, – сказал он в трубку, – вечером обязательно увидимся.

Я отдёрнула руку.

– Детка, дорогая, ты не так всё поняла! – снова сказал Данька. – Я объясню тебе вечером.

Я отшатнулась. Дошла до скамейки рядом с «Бампером» и медленно опустилась на неё.

Данька закончил говорить и вернулся ко мне. Сел рядом и сказал:

– Красивое у тебя платье.

Но я не отрывала взгляда от витрины автобуса, на которой были выставлены книги. «Свен Нурдквист «Где моя сестра?» – было написано на одной из обложек, но именно сейчас мне отчаянно хотелось увидеть Чернышевского и его книгу «Что делать?».

Глава 10
Лекарство от любви

Как-то мы разобрались с сумкой, как-то добрались до метро, как-то я отказалась от кофе. Не помню – как. Помню, что всю дорогу улыбалась до боли в губах. И ещё я держала под контролем глаза. Я помнила правило, что улыбка выглядит фальшивой, когда губы улыбаются, а глаза нет, поэтому слегка прищуривалась, и даже позволила ему поцеловать себя в щёку. Губы у него были ледяными, а всё, что я ощутила – так это боль, резкую и сильную. Такую, которую чувствуешь на физре, если бежишь-бежишь как сумасшедшая стометровку, а потом резко – стоп. И сердце больно-пребольно – бам! Бам! Так и тут.

Как-то я добрела до дома, что-то ответила маме и бабушке. Вошла в комнату, сняла пальто, бросила на пол и упала на кровать. Потом забралась под плед, который использовала как покрывало, укрылась с головой и выдохнула. На меня тотчас навалилась тоска, как огромный серый сонный и злобный зверь.

У него есть девушка. Зачем тогда вся эта комедия с ночными разговорами?! С признаниями… А шоколадку он зачем притащил?! А к чему разговор о цветах?

«Это же дружеская встреча была, Вер, – горько напомнила себе я, – а ты вдруг решила заняться надуванием мыльных пузырей. Зачем, тебе мало математики и йоги? И выступления по маминым сказкам? Разве у тебя много времени, дурочка?»

Надо было как-то справиться с тоской-зверем. Но не было сил.

Зазвонил телефон. Кто это мог быть? Преподша по йоге? Парни из маткружка? Нет, я решительно не в состоянии сейчас думать о делах!

Единственное, чего мне хотелось, это лежать под тёплым пледом и жалеть себя. Телефон умолк, а потом зазвонил снова.

– Идите в баню, – пробормотала я.

Я всю жизнь мгновенно отвечаю на все звонки и смс. Имею право взять отпуск. Или заболеть. В голове созрела следующая запись для флипбука: «**Любовь похожа на болезнь**».

Когда телефон умолк, я перевернулась на спину и убрала плед с лица. Закинула руки за голову и задумалась. Раз любовь – это болезнь, надо придумать лекарство! Программу «Как избавиться от мучений».

Итак, сказала я себе, для начала я полежу ещё пять минут. Ровно по часам. Потом встану. Возьму флипбук, выйду с ним на балкон и сожгу его. Пепел развею по району, сейчас как раз осень – все жгут костры, а кое-кто и резину, по крайней мере, в окно натягивало именно горелой резиной, и этот запах хорошо отрезвлял меня, гнал прочь романтические мысли.

Потом – в ванную. Вода очищает. Смывает всё отрицательное. Смою с себя всё отрицательное и отдам маме шоколадку, а потом, чистая и обновлённая, удалю аккаунт «Вконтакте» и сяду за уроки.

Нет! Лучше я съем шоколадку сама! Потому что если я отдам её маме – значит, я не могу на неё смотреть, не могу к ней притронуться. А если я не могу притронуться к **его** шоколадке, значит, всё ещё страдаю по нему! Не дождётся! Заставлю себя поверить, что это просто Обыкновенный Шоколад. Из ларька. За сто рублей. Небось ещё и поломанный на кусочки. Может, побелевший даже. И съем. Могу и вместе с бумажкой.

И тут телефон зазвонил в третий раз.

– Я же сказала, мне надо пять минут полежать! – прорычала я, приподнимаясь и протягивая руку к карману пальто.

На экране высветилось «Даниил», и сердце снова больно стукнуло, хотя никакую стометровку я не бежала.

– Да?

– Куда ты убежала?

– Домой. У меня столько дел…

– А почему не подходишь к телефону? – сердито сказал он. – Проводить не позволила, трубку не берёшь! Я уже психанул.

«О, не стоит из-за меня психовать, – плясало у меня на языке, – оставь свои психи для твоей «детки». Внутри же у меня всё вспыхнуло от возмущения. Он сердится, вы подумайте! Он, двуличный паразит!

– Ладно, – вздохнул он, – хорошо, что всё в порядке. Позавтракаешь со мной в субботу?

Я чуть не выронила трубку. Так он хочет поработать на два фронта?! Ну вы подумайте, какая свинья!

– В субботу я занята, – сказала я с садистским удовольствием.

– Прямо с утра?

– Прямо с утра.

– Ладно. Тогда в воскресенье?

– Даня, – устало сказала я, – понимаешь, какое дело…

– Понимаю, – перебил он меня, – у тебя миллиард кружков и занятий. Но слушай, это просто очередная дружеская встреча.

– Извини, но у меня есть и другие друзья, – соврала я, – и они тоже хотят меня видеть.

Я нажала на слово «тоже». Словно его приглашение не представляло из себя ничего особенного.

– И все они знают, как помочь тебе с выступлением по сказкам твоей мамы?

– А ты знаешь? – насторожилась я.

– Да, у меня есть одна идея.

– Говори!

– Обсудим за завтраком. А со своими другими друзьями встретишься вечером.

Он нажал на слово «другие».

– Ладно, – сдалась я, – договорились. Где?

После разговора я всё-таки поднялась с кровати и вручила маме и бабушке шоколадку. А любые попытки подумать, что бы это значило, я придушила.

Данька назначил мне свидание, то есть дружескую встречу (очередную!) в кафе недалеко от моей школы.

Рядом со школой есть озеро, вокруг него что-то вроде парка, то есть кусты и деревья, мимо которых люди гуляют с детьми и собаками. У озера построили дома, которые местные жители окрестили «депутатскими», потому что, по слухам, эти дома заселили депутатскими семьями, а к нам в школу обещали привезти депутатских детей. Правда, пока никого не привезли или эти дети просто тщательно скрывают, кто у них родители.

Так вот, возле «депутатских» домов есть площадка, на ней обычный зелёный шатёр, и в нём – кафе. Обыкновенное, совсем не депутатское, с пластиковыми вилками, зелёными пластиковыми стульями, соками из пакетов, запахом шашлыков. Наверное, тут подходит слово «забегаловка», и меня это слово успокаивало. Меня же не в кафе на Арбате позвали завтракать, и не к Тиффани, а так… в забегаловку. Что можно съесть на завтрак в забегаловке? Стаканчик кетчупа? Или баночку майонеза?

Не отравиться бы в этой забегаловке! Хороша будет дружеская встреча, если я буду бегать в туалет каждые три секунды! И вообще, есть ли там туалет? Или для подобных нужд используют озеро?

Однако, как бы я ни старалась придумать про кафе как можно больше гадостей, я не могла избавиться от мысли, что в Данькином предложении «позавтракать» было что-то

киношное, что-то романтичное, что-то очень взрослое и привлекательное, из головы не шла Одри Хепберн в маленьком чёрном платье с круассаном в руках.

Проблема была только в том, что этот киношный, романтичный и взрослый оттенок его предложения не имел ко мне ни малейшего отношения. Ведь я не была его девушкой. Хуже того, у него есть **другая** девушка. Которую он, видимо, пригласит на ужин в ту же забегаловку. И вообще, откуда у него столько денег?!

У меня возникла хулиганская мысль заказать по меню всё, что там есть, разорить его по полной программе. Ведь тогда у него не хватит денег на ужин с любимой девушкой!

Но, конечно, я не стала этого делать. Данька хочет мне помочь. И он вроде как мой друг. То есть по-хорошему я должна желать ему добра и радоваться, если у него всё сложится с этой девушкой. Это если по-хорошему.

Субботний день, как обычно, выбил из меня все силы.

В воскресенье утром я лежала и молила природу послать нам дождик. Она и послала. Но не шквал и цунами, которые могли бы припятствовать моему походу в кафе, а обычный, с которым может справиться даже детский зонтик.

Перед встречей я почти не красилась. Только тушь и немного румян. Так, для приличия, как перед встречей с подружкой. С волосами я борюсь всю жизнь, они вьются, заворачиваются в колечки, как шерсть у барана, а я мечтаю о прямых. Но проблема с ними, только если они распущены, а если зачесать в строгий хвост, они выглядят прилично. Я и зачесала. А надела тёмно-серую юбку и светло-серую водолазку. Самый обычный наряд. Я ношу его в школу на экзамены, потому что и выгляжу прилично, и чувствую себя комфортно, это мой бронежилет на экзаменационных битвах.

– Ты в школу? – удивилась мама.

– Нет, – мрачно ответила я, – на свидание.

Мама улыбнулась, словно я пошутила.

– А завтракать?

– Я и иду завтракать, – буркнула я.

Мама снова улыбнулась, но уже с меньшим пониманием в глазах.

– Расскажу, как вернусь, – пообещала я, – и имей в виду, это очередная жертва твоему творчеству.

– Верочка…

– Мам, благодарности потом!

– Дорогая, я вчера взяла на речку твой зонт… и… но сегодня я найду его!

– Мама, ты потеряла мой зонт?!

– Я же говорю, я его найду! А ты… ты возьми бабушкин пока.

Я нащупала в кармане мячик для снятия стресса. Сегодня у меня их было два – в правом кармане и в левом. Оказалось, довольно предусмотрительно.

Природа всё-таки вняла моим мольбам и даровала нам шквальный ветер. Но лишь когда я уже вышла из дома и возвращаться было поздно. Я раскрыла старый бабушкин зонт, и его, конечно, вместе со слабыми спицами вывернуло наизнанку. Сверху сыпануло дождём. Я кое-как справилась с зонтом и добежала до шатра. Заскочила внутрь, достала пудреницу и ужаснулась. В зеркале я увидела совсем не того человека, который покидал мою комнату всего пятнадцать минут назад. На меня смотрело лохматое, кудрявое (мои волосы и дождь – это взрывной коктейль) чудовище в заляпанном пальто.

– Красота! – услышала я Данькин голос за спиной.

– Привет, – сухо сказала я, повернувшись.

Ему охота надо мной поиздеваться? На здоровье. Только я поддерживать его шуточки не намерена. Можно подумать, я слепая и не вижу, что я чудовище. Любуйся, Данечка, любуйся. Вечером сравнишь с настоящей красотой.

– На улице сядем? Там этот… как его… вид!

– К-какой улице? – вздрогнула я. – А разве стулья ещё не убрали?

– Там зонтики!

– Мы замёрзнем!

– Я накрою тебя пледом.

– Тут выдают пледы? – спросила я язвительным шёпотом, пока он, взяв меня под руку, вёл через весь шатёр к противоположному выходу, где стояли зонтики. – И что за пледы? Из шерсти тех баранов, что пошли на шашлык?

– Не, из шерсти каких-то других баранов, а может, и козлов, – протянул Данька, – я из дома притащил.

– Ты притащил из дома плед?!

– Конечно, я же знал, что ты будешь ныть: замёрзну, замёрзну.

– Раз ты такой заботливый, прихватил бы мне и рейтузики шерстяные, чтобы я на холодном не сидела!

– Я думал, ты сядешь ко мне на колени, а они достаточно тёплые, – с невинным видом сказал Данька.

Я фыркнула и села в зелёное пластиковое кресло. Честно говоря, накрытое пледом, оно выглядело уютным, но Даньке я об этом не сказала.

– Так ты носишь рейтузики?

– Гкхм!

– А я яичницу заказал. С беконом.

– Я вегетарианка! И я тебе об этом говорила.

– Серьёзно?! Ну вот! Эй, ребята! – крикнул он куда-то назад. – Эй! Извините! А можно без бекона яичницу?

Я вздохнула, что приходится участвовать в этом дурацком действе, и всё – ради маминых книжек, и решила попробовать полюбоваться «этим… как его… видом».

Вид вообще был неплох: вокруг озера стояли двухэтажные серые коттеджи, которые мы называем «американскими», а в центре озера виднелась маленькая зелёная надувная лодка с рыбаком.

Дождь кончился, вышло солнце, и на дорожки вокруг озера сразу высыпала куча народу. Тётеньки с собачками, одетыми в вязаные комбинезоны, дети, торопливо осваивающие самокаты и велосипеды в преддверии зимы.

Нам принесли яичницу. Обе порции – с беконом.

– Я же просил, – начал Данька.

– Слишком поздно, сорри, – пожал плечами официант.

На нём были джинсы с дырками, и он жевал жвачку.

– Но было не поздно!

– Чувак, извини, я же сказал, – сказал официант, раздражённо двигая челюстями.

– Слышь, – негромко сказал Данька, поднимаясь.

– Погоди, – испугалась я и взяла его за руку, – да ничего, всё в порядке! Я съем только яйцо. Я же не веган, не сыроед. Нормально всё!

Данька не сводил с официанта глаз.

– Ладно, чёрт с вами, – не выдержал официант. – Я сейчас принесу другую. С чем?

– С помидорами и сыром.

– Ладно. Но оплатите.

– Чего? – снова поднялся Данька.

– Ну хоть полцены!

Данька покачал головой. Официант отошёл.

– Дань, – сказала я, – давай я оплачу, а? У меня есть деньги. И цены тут не очень высокие.

– Я хотел, чтобы тебе тут понравилось, – пробормотал Данька.

Мне вдруг стало его жалко. Смешной он всё-таки, надулся из-за какой-то яичницы. Сидит, как взъерошенный воробей. Я протянула руку к нему, чтобы потрепать по плечу, и вдруг вспомнила, что у него есть девушка.

Яичницу мы съели в полном молчании.

– Если они ещё и кофе принесут не такой, какой нужно, – начал Данька, – я с ним выйду, поговорю!

– Не надо никакого! – испугалась я. – Я никакой не люблю!

– Я знаю, – сказал он с несчастным видом, – но я тебя хочу угостить одним. И вот если попробуешь и скажешь, что не любишь…

– То ты со мной выйдешь, поговоришь?

Он хмыкнул. Напряжение спало. Наш официант забрал грязные тарелки. Одна выскользнула у него из рук и разбилась.

– Нам за неё тоже заплатить? – саркастически ухмыльнулся Данька.

Официант только мрачно посмотрел на него, смёл осколки и ушёл. Но Данька слегка повеселел, и я решила спросить:

– А что за идея? Ты скажешь, в конце концов?

– О, – оживился Данька, – я тебе говорил, что играю на фоно?

– Нет. И что? Притащишь фоно и будешь играть?

– Ну зачем, я принесу синтезатор. Ты же будешь делать что-то вроде спектакля, правильно? А спектакль с музыкой – это круче, чем спектакль без музыки. Я придумаю вступление, придумаю музыкальную концовку. Буду аккомпанировать тебе в каких-то ключевых моментах. Что скажешь?

– Неплохо, – пожала я плечами, – слушай… а тебе это зачем?

– Ты мне нравишься, и я хочу тебе помочь, – просто сказал он.

Я отвела взгляд. Представила себе, как мы будем вместе готовиться к этому выступлению. Сидеть рядом, плечо к плечу. Читать сказки. Подбирать музыку на синтезаторе. И он всю дорогу будет мне просто другом, а на самом деле – чужим парнем. Мне показалось, что подо мной – не холодный стул, а мангал с горящими углями.

– Знаешь, я не уверена, что маме это понравится.

– Почему? – удивился он.

– Это как-то несерьёзно.

– Но, как я понял, у неё не очень серьёзные сказки.

– Это так, – кивнула я, – но если при этом играть, получится вообще цирк.

Официант принёс кофе. Я заглянула в чашку. Там был шарик мороженого, политый кофе и каким-то соусом.

– Кофе-гляссе, – сказал Данька, – попробовать необходимо.

– Отказавшихся топят в озере? Или поджаривают на мангале?

– Нет, их кормят насильно.

С этими словами он взял свой стул и поставил рядом с моим. Взял мою чашку и ложечку, зачерпнул.

– А фартучек мне повяжешь? – продолжала сопротивляться я. – Такой, с загибом внизу, в который кусками еда падает?

– Обязательно! – заверил он меня. – Когда буду кормить тебя через семьдесят лет!

Я вздохнула и прикоснулась губами к мороженому. Соус оказался карамельным, и мне пришлось признаться:

– Вкусно… Просто, если честно, это вредно.

– Ну, тогда я доем, – бодро сказал Данька и принялся за моё мороженое.

– Погоди, я ещё раз… попробую.

Я протянула руку, но он её отвёл.

– Нет! – заявил он. – Только из моих рук. А то знаю я тебя – как начнёшь лопать, так и не оставишь ни капельки.

– У тебя своё есть!

– Сначала съедим твоё, а потом каждый – своё.

Он принялся меня кормить, а вслух сказал:

– Так что у нас с цирком?

– Слишком весело, – покачала я головой, вытирая с губ карамельный соус.

– А ты не любишь, когда весело? – спросил он.

Я задумалась: как бы ему объяснить?

Дети гоняли на самокатах вдоль озера. Один парень на велосипеде отчаянно сигналил старому серому пуделю, переходившему дорогу. Это был не чистокровный пудель, помесь с какой-то другой породой. У него были растрёпанные уши, лохматый хвост. Он бросил на пацана недовольный взгляд, всем своим видом напоминая, что зря все радуются, что октябрь на дворе, и скоро опять в зиму, в ранние сумерки, в сон под холодной снежной шубой. Зима – это вам не шуточки.

– Люблю, – наконец ответила я, – но не когда слишком. Жизнь вообще-то серьёзная штука, если ты не в курсе.

– В курсе, в курсе, – со смехом сказал он, – поэтому я и уверен, что веселиться надо на полную катушку. И мне почему-то кажется, что ты бы тоже не прочь была.

Я с изумлением посмотрела на него. А Данька приподнялся, стащил со своего стула плед и, расправив, накрыл наши колени.

– Повеселиться не прочь, – пояснил он, – но тебе словно что-то мешает. Словно в тебе сидит кто-то мрачный и говорит: «Вера! Никакого веселья!» Может, прогоним его, этого мрачного?

– Как? – растерялась я.

– А вот так! – сказал Данька, и вдруг левой рукой взял меня за руку под пледом, а правой прикоснулся к моему затылку и легонько придвинул моё лицо к своему.

Заглянул в мои глаза. Поправил мне локон, заложив его за ухо.

– У тебя красивые волосы, – прошептал он, – вьются…

– Как у барана, который пошёл на плед?

– Дурочка…

Он прижался к моим губам своими.

Я закрыла глаза, а в голове стучало: «Я целуюсь с чужим парнем! У него есть девушка!»

Но я всё равно не могла оторваться от поцелуя, и когда он закончился, я подумала, что он был слишком коротким и что, пожалуй, мне начинает нравиться не только запах кофе, но и его вкус.

Данька смотрел на меня, и выражение лица у него было таким же, каким я запомнила его на первой встрече: чуть детским, радостно-удивлённым, восторженным. Это длилось всего секунду, потом он отвёл взгляд и прищёлкнул языком:

– Клёвый самокат у пацана! Тоже такой хочу.

А я вдруг почувствовала себя паршиво.

Что это было вообще?! У него есть девушка. Значит, он ей со мной изменяет?!

О боже…

Совесть металась во мне, как озверевшая рысь, и, наконец, я не выдержала натиска её коготков. Я решилась.

– Даня… Я слышала твой разговор.

– Какой? Эй, чувак! – заорал он пацану. – Равновесие держи! Угробишь машину!

– С твоей девушкой, – с трудом сказала я, – там, у ЦДХ. Когда искали сумку.

– Но у меня нет девушки, – озадаченно сказал он, – а с кем я разговаривал у ЦДХ – не помню. Это же было неделю назад. Тьфу, чёрт. Упал-таки! Погоди, я ему помогу.

Он привстал, откинул плед.

– Ты назвал её деткой. Сказал, что ты с ней.

Данька сел обратно. Я теребила бахрому на пледе, не смея поднять глаз.

– Погоди. Так это моя племянница была.

– Правда?!

Я мигом представила себе девочку лет пяти. Нет, семи, сейчас телефоны всем в первом классе покупают. Хотя она могла звонить и с родительского, так что пусть будет пятилетняя.

– Ага, у неё родители разводятся. Старший сын моего отца с женой. Они владеют салоном красоты и никак не могут его поделить. А на племяшку вообще рукой махнули. Она и психует. Я ей сказал, что я с ней. А «деткой» её все зовут. Потому что она всех называет «детками». У них в школе это модно.

Значит, племянница была школьницей. Что ж, это не так прекрасно, как пятилетняя девочка, но тоже ничего.

– А почему ты так странно называешь своего брата? «Старший сын отца»?

– Я его братом никогда не считал. Он сын отца от предыдущего брака. У нас разница двадцать лет. И он никогда с нами не жил. Погоди-ка, Верка! Так ты сейчас целовалась со мной, думая, что у меня девчонка есть?

Я почувствовала, что краснею, и потянулась к чашке с кофе.

– А мне ты показалась такой принципиальной! Такой строгой! Жизнь – это серьёзная штука, то-сё!

– Хорош издеваться! И вообще – садись на свою сторону, допей кофе, а то он совсем остынет!

– Нет, погоди, у меня есть дела и на этой стороне.

Он сжал мою руку под пледом. И взял меня за подбородок.

– Тот поцелуй не считается, – строго сказал Данька, – потому что ему аккомпанировали неправильные мысли.

– Ак-ком-па-ни-ро-ва-ли!

– Это чтобы ты не забывала, что я музыкант.

– Или чтобы выпендриться?

– Может, и так. В общем, допьёшь потом свой кофе. В смысле – доешь.

Он провёл пальцем по моему лбу, по векам, съехал им по носу на самый кончик, и, наконец, прикоснулся к моей нижней губе, чуть приоткрыв её.

– Ну что? – прошептал он, приблизившись. – Я достаточно серьёзен?

– Достаточно для чего?

– Чтобы понравиться тебе.

Наши губы почти соприкасались, передавая друг другу нежный шёпот.

– Только не говори, что ты правда думаешь, что жизнь – серьёзная штука.

– Думаю-думаю, – сощурилась я, – но после мороженого с карамельным соусом…

– И кофе!

– …и кофе… я позволяю себе об этом забыть.

Я запустила ему в волосы руки и прижала его лицо к своему, успев подумать, что поцелуй – лучшее лекарство от любви.

Глава 11
Право на тайну

– А вот тут хорошо Моцарта дать!

– Данечка, ну какой Моцарт? Там будут шестилетние дети. И вообще, зачем нам изобретать велосипед? Давай найдём в Интернете готовый сценарий, возьмём музыку из него!

– Да ну, ты что! У нас, что ли, своей головы на плечах нет? Ты послушай!

И Данька заиграл на фортепьяно. Я прижала трубку к уху. Здорово он всё же играет.

– Ну что?

– Ладно, признаюсь – это было круто. Но это только одна сцена! Где они прыгают на полянке. А сколько их всего, этих сцен? Где ты столько времени найдёшь? Или ты прогуливаешь?

– Да ну эту школу, тут всё гораздо интереснее. Давно мечтал к чему-то музыку подобрать.

– А, так ты поэтому и предложил мне на встрече в кафе поставить спектакль? Чтобы подобрать к нему музыку?

– Ты меня раскусила! Но имей в виду, на синтезаторе звук чуть хуже, не такой богатый, как на фоно.

– Дань, это тебе слышно, ты специалист, а людям, мне кажется, всё равно.

– Не зна-аю, – протянул он, – вот послушай.

Он сыграл «Турецкий марш» на синтезаторе.

– Ну да, – признала я, – в предыдущий раз мне больше понравилось.

– Да у меня ещё и синтер дрянь. Идея! Я всё равно собирался новый покупать. Денег уже поднакопил, отец ещё добавит. Он бы всю сумму дал, но мне хотелось самому. Понимаешь?

– Понимаю.

– Тогда поехали со мной в субботу на Савёловский рынок?

Сердце у меня сжалось.

– Дань… я в субботу не могу.

Повисла пауза.

– Ты не могла в позапрошлую субботу.

– Да…

– И в прошлую.

– Точно.

– И что же ты делаешь по субботам?

– Да ничего особенного, – замялась я, – обычные дела. Давай на Савёловский в воскресенье съездим?

– В воскресенье там давка. А что, говоришь, за обычные дела?

– Ну, я в магазин пойду… Уроки… Уборка… Стирка, маткружок.

– А почему эти обычные дела нельзя перенести на воскресенье?

Я кляла себя на все корки. Дура, дурила! Надо было соглашаться на субботу! А прямо в субботу что-нибудь придумать. Сказать, что у меня болит голова, например! С другой стороны – неудобно как-то! Он же из-за меня покупает этот синтезатор.

– Дань, а зачем всё-таки тратить деньги ради одного выступления? Может, сыграешь на старом синтезаторе? Звук, конечно, был хуже, чем на фортепьяно, но в целом…

– Вера, ответь на мой вопрос.

– Мне надо помочь бабушке с одним делом. Она просила.

– Врёшь.

– Я никогда не вру!

– Сейчас точно врёшь!

– Что? – растерялась я. – Ах так! Ну пока!

И швырнула трубку.

Отлично. Теперь он будет уверен, что я наврала. Но я почти не врала, действительно. Моё дело связано с бабушкой. Другое дело, что она меня никогда о помощи не просила.

Я закусила губу. К глазам подступили слёзы. Это нечестно! Я не делаю ничего плохого!

Может, мне не надо было ехать? Я ведь уже пропускала… Потому что и гриппом болела, и ветрянкой, и один раз ногу подворачивала, хромала потом неделю. И не ездила. Но вот именно тогда у меня была причина, чтобы не приезжать. А сейчас она какая? В голову любовь стукнула? Ну и что, не молния же… Может и подождать.

И всё-таки Данька не прав. Это несправедливо – считать меня вруньей!

Я взяла телефон и набрала: «*У человека должны быть тайны*».

Стёрла.

Снова принялась набирать: «*У каждого есть право на тайну. Если он никому этой тайной не меша…*»

Стёрла.

Не надо про тайну вообще. Нет у меня тайн. Помогаю бабушке делать кое-что важное. Скажем, выбирать ей шерсть для вязания. Она без меня не справится. Дело государственной важности, требуется человек с высоким уровнем ответственности, то есть я.

Пишу: «*Я помогаю бабушке…*» И стираю. Ещё быстрее, чем предыдущие сообщения. Потому что врать ему – так же гадко, как возить пенопластом по стеклу.

Ёлки-палки, что делать-то! Телефон пикнул. Сообщение от него!

Вот такое: «*пишустираюпишустираюпишустираю*». Я улыбнулась. И напечатала: «*Я тоже*». И добавила: «*Прости. Но я не хочу это обсуждать*».

И быстро послала ему, не давая себе возможности подумать – правильно ли? «*Сообщение доставлено*» – прочла я, и мне стало страшно. Вдруг он пошлёт меня куда подальше с моими идиотскими тайнами? Я заёрзала на стуле. Дура! Надо было написать не «*не хочу*», а «*не могу*»!

«Пип!» – сказал телефон.

«*Ты с кем-то встречаешься, кроме меня*?»

– Бррр! Фу! Пшик! – вырвалось у меня, и я набрала его номер.

– Нет, – завопила я в трубку, – нет! У меня только ты! Такой прекрасный ты, такой бэби, такой хани, такой свит!

– Такой СВИН? – переспросил он.

– СВИТ! У нас тут вроде кто-то отлично шарит в английском?!

– Тогда почему ты не едешь с таким распрекрасным хани и свитом в субботу на Савёловский? – холодно спросил он.

– Тьфу, – в отчаянии сказала я, – ты правда хочешь знать, как я провожу каждую субботу?

– Да!

– Ну, слушай…

Глава 12
Дом П

– Каждую субботу я встаю рано, часов в восемь, и еду на метро до станции «Молодёжная». Там сажусь на маршрутку номер 594 и еду до конечной, до остановки «Ромашково». Когда выхожу из маршрутки, то иду по дороге налево, снова налево, мимо церкви, вниз и дальше – мимо дачных участков до зелёного забора.

– А не страшно вдоль дороги идти? – спросил Данька.

Он затаил дыхание, словно я пересказывала ему новый роман Стивена Кинга в подробностях. В доме престарелых, кстати, его любят.

– Нет. Если кого-то подозрительного вижу на остановке, то прошу дяденьку, который работает продавцом в местном магазине, меня проводить.

– Он, конечно, соглашается из-за твоей красоты!

– Из-за моих ста рублей, скорее. Итак, я дохожу до зелёного забора. За ним – серое здание.

– Это дом престарелых?

– Нет, это Ромашковская амбулатория. А вот следующее за ней здание, салатовое…

– Твой Дом П?

– Ага.

– И что ты там делаешь?

– Сначала отмечаюсь у охранника. Потом меня встречает социальный работник. Низенькая такая, добродушная женщина, Марина. Ведёт к бабушкам.

– Ты им еду какую-то привозишь?

– Да, сладкое. Пастилу, печенье. Ещё книги.

– Старые?

– О нет, только современные! Детективы! Там такие читательницы есть, ух!

– Так, и что дальше? Что ты с ними делаешь?

– Дань, ну что можно со старенькими бабушками делать, сам-то подумай! Сижу рядом с ними, слушаю об их житье-бытье.

– Жалуются?

– Когда как. Иногда наоборот – хвалят.

– А на кого жалуются? На директора?

– Ну, про него говорят, что он бывший военный, и у него всё строго с дисциплиной. Но он и сам признаёт, что у них там каждый день – как на войне. То проводка загорится, то трубы потекут. А есть такие бабушки, которые его просто обожают. Помнишь, мы на выставке видели «руки повара Никитичны»? Это как раз Полина Никитична, она директора уважает, а он – к ней хорошо относится.

– Откуда ты знаешь? Ты что, знакома с директором?

– Да, конечно. За год, что туда езжу, успела познакомиться.

– Вер, а почему ты начала туда ездить?

Я помолчала. Вот мы и подошли к самому трудному.

– Там жила бабушкина подруга, Любовь Анатольевна. У неё не было семьи. А на старости потребовался медицинский уход. Ну, её и определили туда. Я стала к ней ездить, её навещать. А потом…

Я собралась с силами. Надо рассказать ему обо всём.

– А потом я начала встречаться с одним мальчиком из параллельного класса. Его звали Олег. Он говорил, что потерял от меня голову. А мне казалось – что я от него. Это было как раз прошлой осенью. В общем, мы гуляли все выходные напролёт.

– Так этому Олегу повезло больше, чем мне!

– Даня!

– Прости.

– Я перестала ездить к бабушке Любе по субботам. Меня никто не упрекал, ни она, ни моя бабушка. Но один раз моя всё же попросила меня поехать. Надо было отвезти лекарство. Что-то для сосудов. А мне так не хотелось! Мы с Олегом столько всего напланировали на эту субботу! Я была расстроена. Рассказала ему. Мне так хотелось провести эту субботу с ним! И я предложила: «Может, ты со мной съездишь? Это недолго, до обеда только!» Он кивнул. Теперь я понимаю, что он не хотел. Но тогда я не заметила. Или не захотела замечать. Всё, чего мне хотелось, это быть рядом с ним.

Данька молчал.

– Ты не ревнуешь? – спохватилась я.

– Ревновал бы. Если бы у тебя была другая интонация. Эта мне не очень нравится. Рассказывай дальше.

– А дальше мы приехали к бабушке Любе. Она вскочила с кровати, стала нас обнимать. Олег дёрнулся с отвращением, когда она до него дотронулась. **Это** я заметила. Но тут же оправдала его тем, что он просто не привык. Мне кажется, все легко оправдывают тех, кого любят. Бабушка Люба усадила нас, налила нам чаю. Олег не притронулся ни к кружке, ни к печенью. Сидел, смотрел мрачно в окно, не вникая в разговор. А потом бабушка Люба сказала: «Молодчина, Вер, что приехала. Так я по тебе соскучилась. И по Кате – ужасно». Катя – это моя бабушка, Екатерина Тимофеевна. Они жили раньше в одном доме в Измайловском. «Помню, – говорит, – как мы с ней по парку гуляли. Хорошо нам было, молодые, здоровые!» Я и говорю: «Да вы и сейчас молодая и здоровая!» Дань, ты понял, почему я так сказала?

– Я похож на идиота?

– Олег вот не понял. Он как раз на меня, как на идиотку, посмотрел. И одними губами повторил: «Молодая?!» Мне как-то не по себе стало, словно он меня в чём-то нехорошем уличил. И я заартачилась: «А что, говорю, сейчас разве не погуляете по парку?» Мне так хотелось доказать Олегу, что она, может, и не молодая, но «как молодая» – точно! А она смеётся: «По парку, может, и погуляю». – «Ну и поехали, – говорю, – в следующие выходные в Измайловский парк. А маму попрошу, чтобы она бабушку привезла туда. Сюда не получается, её в маршрутке укачивает, а там – на метро». – «Милая Вера, – улыбнулась бабушка Люба, – у меня уже не те ноги. В парке, может, и погуляю. Но до парка не доберусь». Олег приподнял брови: мол, довольна ты? Нет, я была недовольна. И брякнула: «А мы вас на такси отвезём!» Олег аж побелел.

– Ну, я бы тоже на его месте, – вставил Данька, – это же сколько стоит из Подмосковья на такси до Измайлова?

– Полторы тысячи рублей, – отчеканила я.

– До фига же. Но я бы нашёл, – поторопился добавить Данька, – наверное.

Я вздохнула.

– Бабушка Люба стала меня убеждать, что, мол, дорого, не надо. А для меня это – как барьер. Ты же видишь, какая я?

– Упрямая.

– Точно.

– Как коза Розка.

– Розка – это корова. Ты ж читал в детстве «Папу, маму, восемь детей и грузовик»? В общем, я начала её переубеждать. Что, мол, не так дорого, как она думает. И что это будет отличная поездка. И когда она уже почти согласилась, Олег сказал мне: «Давай выйдем?» Мы вышли в коридор, и он спросил: «Ты с ума сошла? У тебя есть три штуки?» «У меня полторы, – говорю, – ты мне не дашь взаймы?» Он взвился просто: «Хочешь потратить три

штуки, чтобы две бабульки посплетничали о тебе же на скамейке? Они что, по телефону не могут это сделать? Бесплатно!» – «Олег, – говорю, – они же не виделись кучу лет. Обе будут счастливы». А он цедит: «Да я смотрю, ты наизнанку вывернешься ради их счастья… Торчишь тут, слушаешь ахинею, которую они несут. Тебе что, правда интересно слушать, как она пересказывает программу «Жди меня»?! Кружки их облизываешь. Ты хоть видела, что в твоей кружке белые следы от кефира?» – «Я их смыла!» – «А кипятком обдала? Ты представь, сколько тут инфекции!» – «Не хочешь, не пей», – растерялась я. «Как же, не пей! – горько сказал он. – Вы же потом мне устроите. Ах-ах, не уважил, не попил чайку. Да даже если не пить. Она же обниматься сразу полезла. Какого фига, а? Мне что, приятно это должно быть?» В общем, я разозлилась ужасно.

Я помолчала и продолжила с трудом.

– Если бы я не разозлилась, всё могло бы быть по-другому. Но я закричала: «А что в этом неприятного?!» Как бешеная заорала. И он тогда в ответ заорал: «Да меня тошнит от твоей бабки! От её чая, от всего этого вонючего места тошнит! И если ты в следующие выходные хотела покатать двух вонючих бабок за моё бабло, то могу сказать только одно – иди ты!» Знаешь, я только тогда поняла, какой он на самом деле. «Сам, – говорю, – иди. На все четыре стороны». Он и свалил. В сторону остановки. Тут же.

– Всё? – спросил Данька.

– Нет, – хмуро ответила я, – я вернулась к бабушке Любе. Она слышала последнюю фразу Олега. Что его от всего тошнит. Я попыталась её как-то переключить, разговорить. Но по её глазам было видно – она всё перебирает в памяти слова этого придурка. Наконец, я уехала, пообещав, что или найду недостающие полторы тысячи, или накормлю свою бабушку средствами от укачивания и притащу сюда в следующие выходные. Бабушка Люба обняла меня на прощанье. Но так, осторожно, как будто боялась, что мне это тоже противно. Той ночью она умерла. Сердечный приступ.

Мы помолчали.

– Да, – наконец, сказал Данька, – сказать тут нечего.

– Мне тоже нечего было сказать. Долго ещё.

– Ты ощущаешь свою ви… Ну… как бы… у тебя есть чувство ви… короче, ты поняла! У тебя есть это чувство?

– А ты как думаешь?

– Слушай… не знаю. Это может быть совпадением.

– Да, бабушка тоже так говорит. Она даже пытается вспоминать её так, знаешь, легко, ну, типа, к слову пришлось.

– Может, правда к слову приходится!

– Может, и приходится, Дань, но только мне каждый раз больно.

– Бедный ты мой человек.

– Да нет, – я улыбнулась через силу, – всё о’кей. Я себя вполне контролирую. Просто бывают моменты. У бабушки есть чемодан с париками…

– Вер, погоди! Ну правда же! Это же вполне может быть совпадением! Она ведь могла расстроиться по любому другому поводу!

– У бабушки есть чемодан с париками, – продолжала я, – бабушка Люба работала костюмером в Театре Натальи Сац. И вот эти парики – всё, что осталось от бабушки Любы. Я даже смотреть на них не могу.

– Вер.

– Ну?

– А к кому ты ездишь сейчас?

– Да ко всем подряд.

– И… только не убивай, ладно? Зачем?

– Как я тебя убью, мы по телефону разговариваем?

– Интонацией своей. Молчанием. Так зачем?

Я молчала. Не потому что хотела убить Даньку, конечно. Я давно научилась относиться снисходительно к людям, которые не были внутри моей ситуации. Просто думала, как объяснить… Сама-то я считала эти поездки чем-то вроде наказания. Мне не хотелось туда ездить. Там вещей, от которых начинало болеть сердце, было гораздо больше, чем в чемоданчике за шкафом.

Её бывшая соседка, её кресло в холле, её стул в столовке, её любимые тряпочные цветы в вазе у телевизора, её любимые собаки, которых она подкармливала, её любимый маршрут для прогулки – мимо амбулатории, через детскую площадку. Каждый раз, когда мы гуляли мимо этой площадки, мы шутили. «Ну что, бабушка Люба? С горки скатимся?» И она каждый раз придумывала что-то новенькое, вроде: «Нет, сегодня мокро и грязно!» или «Нет, на мне парадно-выходное платье, Веруня!».

– Ладно, попробую угадать, – подал голос Данька, – ты типа обета дала, да?

– Да, – с облегчением согласилась я.

Пусть считает обетом. Слово «наказание» ему явно не понравится. Начнёт спорить, доказывать… Зачем?

– А мне с тобой можно?

Я подскочила на стуле, оперлась руками на стол, свалила карандашницу.

– Нет! Не надо! Ни в коем случае! Второго такого раза я не переживу!

– Да перестань, я не брезгливый. Могу и из кружки с кефирными разводами попить.

– Нет, Данька, не надо! Ты что, ещё не понял? Это совсем не фан!

– А я не хочу быть для тебя только «фаном», – сказал Данька, – я хочу быть с тобой всё время. Даже, когда тебе не слишком весело. Что ты там говорила про «жизнь – серьёзную штуку»?

Глава 13
Чудесная Светлана Романовна

Я оделась как обычно – синие брюки, голубая водолазка, бежевая стёганая куртка с ремнём – некий компромисс, на который я иду каждую субботу. Замшевые ботинки, не на каблуке – на небольшой танкетке. Волосы распрямила и заплела в тугую косу. В общем, выглядела элегантно, но строго. И выражение лица тоже нацепила строгое, чуть-чуть равнодушное. Что-то вроде: «навязался этот Белых на мою голову, что поделаешь». Главное – быть серьёзными. Ведь Дом П – это не место для шуток.

Но Данька уже от остановки начал валять такого дурака, что удержаться от смеха было невозможно. Увидел рядом со стройкой каких-то рабочих в оранжевых фуфайках, которые сидели на скамейках и лопали быстрорастворимую лапшу, и как дёрнет меня за руку:

– О! Смотри! Пошли с ними затусуемся! А то я сегодня не позавтракал!

– Отстань!

– Ну пра-авда! Я такой голодный! Готов у вороны сыр отнять! Может, от тебя кусочек откусить?

Он схватил мою руку и поднёс к губам, но я её вырвала.

– Дань, уймись, а?

– Ну вот, – обиженно надулся Даня, – мне теперь умирать с голоду? Хорошо, что я с собой догался термосок с чаем взять!

– Что? – не поверила я. – Ты взял термос? Зачем?

– А подумал: вдруг чайку захочется!

– Но почему ты дома не позавтракал?

– А не хотелось!

– И где ты собираешься этот чай пить?

– На остановке автобусной.

– С ума сошёл! Это негигиенично!

– Ха. Ещё попросишь у меня чайку-то.

– Ни за что на свете, – покачала головой я, – у меня, в отличие от тебя, всё по плану. Встал – и позавтракал. Выехал. Вернулся – пообедал. Нечего тут устраивать цирк!

– Ты как тот мужик в анекдоте, – откликнулся Данька, – помнишь? Как на фуршете подали закуски. Один ест, наедается. Второй даже не притрагивается. Горячее подали. Первый набросился. Второй даже не посмотрел. Сладкое подали. Первый порцию схватил и ко второму подходит: «Слушай, говорит, тут всё бесплатно! Ешь!» А второй: «Я не хочу!» А первый: «Ну бесплатно ж!» Второй: «Слушай, отстань. Я когда хочу – ем. Когда не хочу – не ем». А первый ему: «Ну ты прям как животное какое-то!»

– Во-во, – засмеялась я, – и вообще, Даниил. Перестань ржать! Мы едем в серьёзное место! Там не до смеха. Там люди со своими проблемами. С ними надо разговаривать серьёз-но.

– Тогда мне надо в аптеку, – весьма серьёзно говорит Данька.

– Зачем?

– За пластырем. Заклеишь мне рот, и я буду оч-чень серьёзным! Ну или жгут мне наложишь. Чего у них там есть? Или мне пол-литра слабительного у них дерябнуть? Вот тогда мне точно будет не до смеха!

– Фу, ну и шуточки, – морщусь я, но всё же фыркаю.

В общем мало того, что мы туда ехали и хохотали, почти не переставая, так он умудрился влить в меня свой чай на автобусной остановке уже в Ромашкове. Чай у него оказался заварен с палочками корицы и кусочками апельсиновой цедры, а это всё вместе так пахло!

Местные жители шли мимо остановки и оглядывались. То ли смотрели на двух московских психов, которые распивали чаёк на остановке, то ли им тоже хотелось отхлебнуть из Данькиного термоса.

Но больше всего меня поразили мои старушки-подружки из дома престарелых! Они вели себя совсем не так, как в те дни, когда я приезжала одна. Знаете, что они рассказывали мне? Что у них слабое зрение! Что слабый слух! Что храпит соседка. Что дышать нечем, а не проветрить – сразу простужаешься!

А тут? Все сразу стали с Данькой кокетничать и хихикать. И он хорош! Пришёл и спрашивает, громко ещё так, на весь этаж:

– Что, достала вас тут всех моя девушка?

«Моя девушка», – повторила я одними губами. Он сказал – «моя девушка»? Мне не послышалось?

– Ох, достала, – согласилась сразу Светлана Романовна, старушка, которую мы навещаем сегодня, – сил наших нет её развлекать!

Я кисло улыбнулась. Везёт мне сегодня на шутничков. Сначала один, потом – другая!

– А вы замок амбарный повесьте, чтобы она к вам проникнуть не могла, – посоветовал Данька, и я незамедлительно пнула его в бок.

– Да если бы они тут продавались, – со вздохом проговорила Светлана Романовна, – и вообще, вы чего притащились? Погода прелестная!

Она глянула в окно, где как раз всё потемнело и нахмурилось.

– Шли бы в музей вдвоём! На импрессионистов смотреть. О, я бы дорого дала сейчас за возможность сходить в Пушкинский музей! А вы не цените свою свободу, таскаетесь по каким-то бабкам! Ой, а это ещё что? Не надо! Не надо этого!

Это она про то, что я стала выгружать из Данькиного рюкзака пастилу, зефир и овсяное печенье. Она каждый раз вопит, что не надо было ей привозить ничего. И я каждый раз бормочу: ну как же не надо… надо же…

– А почему это не надо? – прищуривается Данька.

– Да чтобы вас не разорять!

– А мы и не разорялись, – пожимает плечами Данька, – мы это всё украли, не беспокойтесь! Нет, мы банк грабанули! Ну такой, небольшой.

– Небольшой банк и смысла грабить нет, – с видом знатной рецидивистки заявила Светлана Романовна, – вот большой – да! И вообще, у вас обоих больно лица добрые! Не можете вы банк ограбить. Вот я – да. Я могла бы!

– Одной левой, – подтверждает Данька, и они оба хохочут.

Я качаю головой, строго, как будто они – расхулиганившиеся дети, а я – их мать. Светлана Романовна и правда, как расшалившаяся девчонка, сунула Даньке «барбариску». Тот развернул её и тут же выронил на пол. Конфета укатилась под диван, и Данька встал на колени, чтобы её достать.

– Ты что это, милый мой? – удивилась Светлана Романовна. – Никак предложение мне собрался делать?

– Угу, – пропыхтел Данька, заглядывая под диван, – предложение найти конфету и уничтожить, чтобы к вам со всего дома муравьи не прибежали на пир.

– А, это ладно, – лукаво улыбается Светлана Романовна, – а то я думаю, влюбился в одну, а предложение собрался другой делать.

Мы с Данькой оба дёргаемся от слова «влюбился». Он снова уронил конфету, которую только что достал, а я преувеличенно громко сказала:

– Светлана Романовна! Чай заваривать?

– Заваривай, милая, заваривай, – благодушно откликается Светлана Романовна, – хотя я бы не удивилась, дружочек, если бы ты мне предложение сделал. Я ведь ещё вполне себе хороша!

– Точно! – хором говорим мы с Данькой, и все смеёмся.

Когда чай заварен, дело доходит до историй. Светлана Романовна, раскрасневшись от горячего чая, а может, и от Данькиных шуточек, принялась рассказывать:

– Вот я, в отличие от вас, молодых, была девочкой покорной и послушной. Родителей слушалась, значит! Вот как-то пришли мы в гости. Меня там положили спать. На кровать. Укрыли шёлковым одеялом. А сами чай пить пошли. Только прихватили чемодан со столовыми приборами гостевыми. Чистое серебро хранилось в здоровом таком чемодане. А чемодан стоял между кроватью и стеной. Они его вытащили, а кровать не придвинули. Ну и получилось расстояние между кроватью и стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.